

Арте
факт
детектив

Оружие древних героев
существует не только
в мифах и легендах...

НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА

Кинжал
Зигфрида

ЭКСМО

Артефакт-детектив. Астра Ельцова

Наталья Солнцева
Кинжал Зигфрида

«АСТ»

2008

Солнцева Н. А.

Кинжал Зигфрида / Н. А. Солнцева — «АСТ»,
2008 — (Артефакт-детектив. Астра Ельцова)

ISBN 978-5-699-28971-4

К Астре Ельцовой, неофициально занимающейся частными расследованиями, обратилась за помощью Леда Куприянова – ее жених Влад уехал в командировку и не вернулся. Решив побольше узнать о семье Леды, Астра выяснила, что ее отец был увлечен поисками кинжала Зигфрида, якобы принадлежавшего легендарному скандинавскому воину... Следы Влада потерялись в глухих лесах Новгородской области, куда он зачем-то отправился на охоту. В тех же местах десять лет назад погиб известный профессор Лианозов, состоявший в отдаленном родстве с Куприяновыми. Он тоже был одержим поисками кинжала. Неужели клинок мифического героя все же существует, и Влад поддался лихорадке кладоискательства?

ISBN 978-5-699-28971-4

© Солнцева Н. А., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

Глава 1	5
Новгородская область. За десять лет до описываемых событий	5
Глава 2	8
Подмосковный поселок Витеневка. Наше время	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Москва	22
Глава 5	24
Подмосковный поселок Витеневка	24
Москва	27
Глава 6	30
Глава 7	35
Новгородская область. Зброшенная деревня Камка	35
Санкт-Петербург	38
Глава 8	41
Новгородская область. Зброшенная деревня Камка	41
Старая Русса	44
Глава 9	47
Москва	47
Старая Русса	49
Глава 10	53
Новгородская область. Деревня Камка	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Наталья Солнцева

Кинжал Зигфрида

Все события вымышлены автором. Любые совпадения случайны.

*Однообразные мелькают
Все с той же болью дни мои,
Как будто розы опадают
И умирают соловьи.*

*Но и она печальна тоже,
Мне приказавшая любовь,
И под ее атласной кожей
Бежит отравленная кровь.*

Н. Гумилев

Глава 1

Новгородская область. За десять лет до описываемых событий

Грибник насобирал целую корзину груздей, притомился. А уходить не хотелось. Он сел на теплый от осеннего солнца пенек и залюбовался увядающим лесом: золотые кроны деревьев упирались в синее небо, внизу, в поросшем ивняком овраге, журчал ручеек. От всей этой картины веяло тишиной, умиротворением.

Грибник снял кепку, пригладил седые волосы. Не та уже прыть, поясница ноет, ноги в суставах болят. Иной раз так прихватит, хоть криком кричи.

Дед взвалил корзину на спину и побрел к дороге. Он давно жил в этих местах, знал каждую тропинку, каждую просеку. По старой, испещренной выбоинами грунтовке мало кто ездил. В сухую погоду еще кое-как, а в распутицу лучше было сделать большой крюк по асфальтированному шоссе, иначе машина застрянет и до ближайшей деревни несколько километров шагать придется. За трактором.

Грибник рассчитывал поймать попутку, если повезет. Целую неделю стояло бабье лето, в воздухе летали паутинки, лужи подсохли. Только в глубоких колеях осталась черная вода, в ней плавали красные и лимонные листья.

Старик прислушивался: не едет ли машина. Но щебетали сороки, трещали сучья под его сапогами, больше ничего. Наконец лес расступился, и открылась коричневая лента дороги.

Грибник обрадовался: в десяти метрах от него, уткнувшись носом в толстый ствол березы, стоял автомобиль. Дверца со стороны водителя была открыта.

«Тоже по грузди пошел мужик? – подумал дед. – Или по нужде? Ничего, я подожду». Он поставил корзину на землю, приблизился и увидел шофера: тот откинулся на сиденье, свесив голову. Спит, что ли? Судя по одежде, не деревенский житель. Небось в гости едет.

– Эй! – робко произнес грибник. – Ты жив, мил-человек?

Ответа не последовало. Грибник обошел машину спереди. Она выглядела неповрежденной: бампер, капот, фары, решетка – все целое. Значит, аварии не было. Видимо, водитель

решил отдохнуть, а его и сморило на свежем воздухе. Человек уже не молодой, вон, виски седые, морщины на лице. Однако странная у него поза какая-то, и слишком он неподвижен – даже грудь не вздымается.

Преодолевая нахлынувшее неприятное волнение, грибник протянул руку и коснулся запястья шофера. Теплое, только пульса не прощупывается.

– Эй... – окликнул он спящего. – Тебе плохо?

Молчание.

Дед наклонился, прислушался: дышит мужик или нет? Тишина. Что за оказия?! Неужто мертвый? Ах ты, боже мой!

Вокруг монотонно шумели березы и ели. Пахло хвоей, разогретой дорожной пылью, бензином. Грибник оглянулся по сторонам – никого. Он потряс водителя за плечо – тот остался безучастным. Голова мотнулась, как тряпичная.

– Мертвый... – прошептал дед. – Не остыл еще. Кто ж это его?

На теле покойного не было ни ран, ни следов от удара – по крайней мере, на первый взгляд. Старик опасливо осмотрел салон машины – пара газет, небольшая дорожная сумка, карта. Казалось, водитель сам остановился, открыл дверцу... да так и не вышел. А может, и не собирался выходить: ждал кого-то. Хотя кого тут ждать, в лесу?

Деду захотелось курить. Он полез в карман за кисетом, дрожащими руками соорудил самокрутку. Едкий табачный дым ударил в глаза...

Подул ветер. С шорохом посыпались листья. Грибник докурил, постоял в задумчивости, перекрестился и потянулся за сумкой шофера. Тому она уже ни к чему...

* * *

Он вздрогнул, встрепенулся и пробудился от невыносимо долгого сна.

Казалось бы, ничего не изменилось вокруг – он все так же неподвижно лежит в полном мраке, рядом со своим хозяином. Вернее, тем, кто ошибочно считал себя его хозяином. На самом деле все далеко не так, как представляется. От человека, который мнил, будто владеет им, почти ничего не осталось. А он все тот же – юный и прекрасный, излучающий силу, несущий смерть. Не имеет значения, сколько прошло лет или веков. Он все так же готов исполнить предначертанное.

Вокруг в самом деле ничего не изменилось. Тишина, темнота, тяжесть, навалившаяся на него. Но откуда-то, невидимый и неслышимый, проник к нему импульс жизни, ожидание, жажда чужой плоти. Чьи-то мысли потянулись к нему, растревожили, искрами вспыхнули в холодном теле, согревая, разжигая блуждающий в нем огонь, предвкушение крови.

Не первый и не последний раз его сковывает сон. Не первый и не последний раз он просыпается, чтобы подчиниться зову судьбы.

Его путь начался так давно, что истоки терялись во мгле прошлого. Иногда ему грезилось, что он вышел из тумана. Иногда казалось, что он родился в огне и грохоте, в дыму, в шипении пара... под произносимые заклинания... Слова слетали с уст и уносились прочь – то ли под высокие своды из почерневшего камня, то ли под темные небеса.

Марс и Сатурн наблюдали за его появлением на свет. Отныне они станут его покровителями. Они стояли на небе, подобно грозным стражам. Красный глаз Марса и яркое око Сатурна – Хроноса, властелина времени и судьбы, – вот что он запомнил, когда его тело обрело форму и бытие.

Хронос разделяет иллюзорное и реальное, его песочные часы отсчитывают мгновения. Но куда они текут, вперед или назад? Зыбкий лик вечности неуловим. Время принадлежит каждому и... никому. Время – мерцающий пульс жизни, ее изменчивый образ.

Хронос не зря стоял у его колыбели: властелин судеб наделил его даром отнимать и дарить время.

Его прекрасное, совершенное тело покрыли ритуальной татуировкой и облачили в дорогой наряд. Над ним совершили три тайных обряда, и он удостоился благословения богов.

Много священных источников иссякло с тех пор, много священных роц исчезло с лица земли. Его драгоценная одежда затерялась, но никто не смог лишить его силы и могущества. Он расчищал дорогу к власти, мстил за поруганную честь, наказывал предателей и останавливал героев. Его смертоносное жало алкало крови. Только напившись досыта, он снова оживал для славных свершений. Он служил тому, кто брал его в руки... но выскальзывал из слабых пальцев. Завладеть им было легче, чем удержать его.

Он помнил время легенд, драконов и красавиц с сумрачными очами. Он встречался с пророками и оракулами, императорами, полководцами, тиранами, магами и философами. Он пережил столько войн, столько возжей и столько царств, что потерял им счет. Он кочевал по родовым замкам и роскошным дворцам, по шатрам, палаткам, сундукам, корабельным трюмам, глухим подземельям, по сокровищницам, гробницам и домам простых горожан, пересекал пустыни вместе с торговыми караванами.

Он путешествовал по миру, из страны в страну, с континента на континент, из города в город. За ним охотились, его похищали, его хранили как зеницу ока, ради него совершали преступления, к нему бережно прикасались и прижимали к сердцу. Им любовались.

У него пытались отобрать имя. Появилось множество его двойников – самозванцев, которых выдавали за него разные прохвосты и мошенники.

Иногда ему приходилось год за годом проводить в бездействии, во мраке и забвении. Как сейчас...

Но он уже ощущал внутреннюю дрожь, гуляющие в нем токи. И сквозь дрему уже мечтал о том, ради чего был создан...

Глава 2

Подмосковный поселок Витеневка. Наше время

Загородный дом Куприяновых был построен в старинном духе. Помещичья усадьба в миниатюре: центральная часть с колоннами, два коротких полукруглых крыла, ко входу ведет аллея от самых ворот, позади дома разбит молодой сад.

– Ледушка, доченька, зачем нам этот несуразный безвкусный дворец? – вздыхала Римма Николаевна. – Паша осуществил свою прихоть, но теперь его больше нет. А нам такое количество комнат ни к чему. Чтобы содержать такую махину, нужна куча денег и целый штат прислуги.

Она прослезилась, приложила к красному распухшему носу батистовый платочек. Уже неделю Римму Николаевну мучила простуда – насморк, кашель и, как следствие, скверное настроение.

Дочь подняла на нее тщательно подведенные глаза.

– Что ты предлагаешь?

– Давай продадим дом. Будем жить в московской квартире. Здесь же глушь, до города час езды! Лес шумит за забором. Дуня бежит туда колокольчики собирать.

Дуней госпожа Куприянова называла домработницу – Евдокию Барсукову.

– Видишь, как хорошо. Где ты в городе возьмешь лесные колокольчики?

Римма Николаевна раскашлялась от негодования. Леда такая холодная, жесткая... Ей надо было родиться мальчиком. Отец смог бы передать сыну свой бизнес.

– Владу нравится этот дом, – ледяным тоном произнесла молодая женщина. – Я собираюсь выйти за него замуж, если ты помнишь.

– Ты его любишь?

Дочь выразительно повела плечами и промолчала. Мама умудрилась остаться наивной и непрактичной, до мозга костей пропитанной какими-то комсомольскими идеалами. За неимением сколько-нибудь значимых интересов она смотрела «мыльные» сериалы и читала любовные романы. В ее спальне целый стеллаж был заставлен книгами, на обложках которых мускулистые красавцы на фоне цветущих розовых кустов обнимали миловидных блондинок.

– Семейная жизнь полна подводных камней, – назидательно изрекла Куприянова-старшая. – Этот корабль остается на плаву только под парусами любви.

– Мама, я тебя умоляю! – закатила глаза Леда. – Влад сможет управлять нашей компанией. Он хорош собой, умен, знает два языка, получил образование в Кембридже. Он классный менеджер, понимаешь?

Римма Николаевна нарочитым жестом закрыла лицо руками и просипела:

– Мне стыдно, что я не привила тебе чистоты помыслов. Влад во всех отношениях приятный молодой человек, но... я не вижу огня в ваших глазах, когда вы рядом.

– Оставь, ради бога! Как будто вы с папой сгорали от страсти!

– Мы любили друг друга.

– Ой! – саркастически улыбнулась Леда. – Только вот не надо этих романтических сказок! Отец был прагматиком, карьеристом и презирал «сопли и лирику». Потом от богатства и вседозволенности у него началось разжижение мозгов...

Она прикусила язык. О покойных плохо не говорят.

Лицо матери, и без того покрытое аллергическими пятнами, стало багровым – ее душил приступ кашля. Римма Николаевна никогда, ни при каких обстоятельствах не осуждала мужа.

Теперь, после его кончины, ей и вовсе казалось кощунством любое кривое слово о нем. Тем более из уст дочери!

В семье Куприяновых все решения принимал отец, и они не оспаривались. Жена жила за ним, как за каменной стеной, исполняя роль хозяйки дома. Она долго не могла забеременеть, и, когда это наконец случилось, счастьем супругов не было границ. Как до, так и после рождения Леды Куприянов все материальные и житейские заботы брал на себя. Его смерть грянула громом не столько для дочери, сколько для Риммы Николаевны – она оказалась совершенно беспомощной перед лавиной обрушившихся проблем, которые требовали немедленного вмешательства.

После мужа осталась недвижимость, крупная сырьевая компания, сеть мелких фирм, счета в банке... Много всего. Вдова растерялась, пришла в отчаяние. Леда – сильная девочка, она пытается взять дела под свой контроль. Возникают сложности, то одно не складывается, то другое. Неудивительно, что она ищет опоры в лице Влада. Пусть поступает, как хочет. Ей виднее.

Откашлявшись и промокнув выступившие слезы, Римма Николаевна примирительно кивнула:

– Я не буду тебя отговаривать. Ты уже взрослая женщина, красивая, рассудительная, и в состоянии сделать правильный шаг. Мои взгляды безнадежно устарели.

Она невольно залюбовалась Ледой – той очень шел домашний костюм из лилового шелка. Девочка умеет со вкусом одеться, причесаться, произвести впечатление. На внешность ей грех жаловаться. Бог не поскупился, всем одарил – и лицом, и фигурой, и умом. Счастья бы еще! Двадцать семь лет – пора замуж. Влад – жених видный и ухаживает за Ледой. Только вот в последнее время почти не приезжает. Будущая теща прикинула – уже месяц она не видела молодого человека.

– Ты пригласи Влада к нам на ужин сегодня.

Леда отвела глаза, с показной веселостью объяснила:

– Он в командировке, в Питере. Решает вопросы по контрактам.

– А когда вернется?

– Пока сложно сказать... Недельки через две.

Влад и раньше пропадал – то на десять дней, то на месяц. Дела компании, по словам Леды, требовали разъездов, длительного пребывания в других городах, а в перспективе – и в других странах. Так что Римма Николаевна не удивлялась. Ее встревожил странный тон дочери. Но она привыкла обходить сложности стороной, не углубляться в проблемы. Отчасти такое свойство характера помогло ей долгие годы мирно прожить в браке с властным, амбициозным и суровым мужем. Ее безропотность и мягкосердечие сглаживали острые углы и в отношениях с дочерью.

Они обе избегали говорить на тему, которая стала в семье запретной. И обе непрестанно возвращались мыслями туда, куда путь был заказан. Так уж устроен человек: чего нельзя, к тому и тянет. Эта двойственность, противоречивость души не поддается анализу, не имеет объяснения.

– Иди приляг, – сказала Леда, глядя на мать. – Ты неважно выглядишь. Нужно отдохнуть. В твоем возрасте простуда иногда дает серьезные осложнения.

Та ушла к себе, а дочка открыла бар, налила в бокал изрядную порцию коньяка, выпила, опустилась в глубокое кресло и закрыла глаза, ожидая облегчения. Вместо успокоительных таблеток она снимала нервное напряжение алкоголем, и это начало входить в привычку.

Леда тщательно скрывала от всех свою тягу к спиртному – особенно от родителей и жениха. Узнай отец о ее пристрастии к выпивке, разразился бы грандиозный скандал. В гневе он бывал отвратительно несдержан не только на слова, но и на руку – мог запросто отвесить

пару затрещин. Сей излюбленный воспитательный метод крутого на расправу отца держал Леду в строго определенных рамках.

Правда, маму он за всю жизнь пальцем не тронул, считал ее не от мира сего, убогой и *блаженной*. А убогих обижать Бог не велит.

– Ты, дочь, моя плоть и кровь! – говаривал он Леде. – А меня папаша, царствие ему небесное, драл нещадно. И человеком вырастил! Мать у нас другая – она агнец невинный. Не в пример нам с тобой.

Только святой мог находиться рядом с Павлом Куприяновым и не доводить его «до греха», то есть до сквернословия и рукоприкладства. Сотрудники, приближенные к его особе, и наемные директора дышать боялись при грозном хозяине. У Куприянова не забалуешь, вмиг на чистую воду выведет и накажет безжалостно.

Зато сейчас распоясались – в глаза лебезят, лукавыми устами улыбаются, а за глаза обманывают кто во что горазд. Натерпелись от хозяина, теперь наверстывают упущенное: плутуют в отчетах, бумаги липовые стряпают, тянут все, что ни попадя. Никому нельзя доверять!

Тысячу раз прав был отец, когда твердил: «У нас друзей нет, одни соперники, завистники да стервятники, которые только и ждут, когда Куприянов споткнется, упадет. Тогда слетятся коршуны, накинутся на лежащего-то, заклюют! Но я им такого удовольствия не доставлю».

Отец внешне походил на богатыря: статный, дородный, осанистый, с густыми выющимися волосами, красиво подстриженной бородкой. Даже с возрастом, когда поседел и обзавелся брюшком, он оставался привлекательным мужчиной, сильным, пышущим здоровьем. Никто не подозревал об угнездившейся в нем коварной болезни, а сам Павел Анисимович хранил тайну до смерти. Уже после кончины семья узнала о диагнозе, поохали, поохали... А что сделаешь? Зато до последней минуты отец железной рукой управлял делами, вел привычный образ жизни. Никому и в голову не могло прийти, что могучий дуб вот-вот рухнет.

Предвидя неминуемую развязку, Куприянов написал последнее письмо, в котором прощался с семьей, каялся в своем крутом нраве, за вольные или невольные обиды, объяснял свою скрытность. Дескать, не хотел заранее одних огорчать, а другим давать повод для злобного торжества; не хотел показывать слабости, немощи телесной и пожелал уйти из жизни внезапно и красиво, не мучая окружающих и не обременяя заботами о своем бренном теле.

Видимо, узнав о болезни, отец ударился в религию, которой раньше не признавал. Он смолodu не отрицал Бога, но времена были не подходящие для веры, и Куприянов, как все, исповедовал другую идеологию – партийную. Изменились времена, изменились и нравы. Павел Анисимович изредка хаживал в церковь и только в последние годы стал ездить на исповедь в какой-то монастырь, молиться и носить на груди освященный золотой крест. Семья недоумевала.

Теперь, конечно, стало понятно, откуда появилось такое рвение.

– Папа, папа... – прошептала Леда. – Как же ты мог? Почему поступил с нами так? Неужели мы тебе чужие?

Без хозяина компания «Куприянов и партнеры» начала расплзаться по швам. Вдова и дочь при Павле Анисимовиче ни во что не вникали: нужды не было, да и тот не приветствовал дамского участия в делах – весь штат его управленцев состоял исключительно из мужчин. Господа эти пренебрегали интересами осиротевших женщин, и финансы компании потекли по тайному руслу на тайные счета. Проконтролировать все действия директоров и менеджеров дамы не имели возможности. Отчаянные попытки Леды навести хоть какой-то порядок в бумагах и банковских операциях разбивались о ее некомпетентность. И она возлагала надежды на Влада Неверова, за которого собиралась выходить замуж.

– Почему отец, зная о своей болезни, не ввел Римму Николаевну и тебя в курс бизнеса? – спрашивал тот. – Не обучил элементарным вещам? Не подготовил преданного человека, способного твердой рукой повести дела?

– С мамой это исключено, – горько улыбалась Леда. – Ей становится дурно от одних только слов *баланс, отчет, договор, сделка* и прочих в том же духе. Она даже в магазин ходит с Дуней. Указывает, что покупать, а та платит и получает сдачу. А у меня с отцом были напряженные отношения, мы перестали понимать друг друга. Если бы я была хоть чуточку внимательнее, почувствовала, что он болен... Вела бы себя по-другому! Но отец ничем не выдавал своего состояния. Клянусь тебе! Мы с мамой отмечали некоторые, мягко говоря, странности в его рассуждениях, поступках – однако списывали это на возрастные изменения, на переутомление.

– Семьдесят один год – еще не время для склероза и маразма.

– Его головной мозг был поражен, – вздыхала Леда. – Мне врачи потом объяснили. Этим и обуславливалась неадекватность отца... в определенных вещах.

– Судя по тому, как он вел бизнес, его мозг работал безупречно. Не каждый молодой и здоровый так сумеет.

– Папа руководил компанией много лет, у него все навыки отшлифовались до автоматизма.

– Автомат бы не справился, – возражал Влад. – Тут думать надо, извилинами шевелить. Да еще как!

Леда пустила в ход аргумент, который ей меньше всего хотелось приводить:

– Что же ты не нашел с ним общего языка?

Молодой человек замолчал – он слегка побледнел, сжал зубы. Да, у него с Куприяновым сотрудничество не сложилось. Проработал под началом Павла Анисимовича год, и тот с треском выгнал нового управленца. «Характер у хозяина не просто скверный, – нашептывали ему на ушко офисные клерки. – Совершенно невыносимый!» Но компания процветала, платили хорошо, и увольняться по своей воле никто не торопился. Владу не повезло. Ни с того ни с сего Куприянов обратил на него пристальное внимание, начал цепляться по мелочам, испытывая менеджера на выносливость, учинил пару разносов, пригрозил санкциями. Тот стал аккуратнее в высказываниях, тщательно следил за документацией, за надежностью сделок. Но шеф как с цепи сорвался. В конце концов Влад не стерпел, огрызнулся. И все, на этом его карьера в компании завершилась.

– Попал под горячую руку, – мрачно изрек он, не глядя на Леду. – Твой папаша был, не в обиду сказано, грубиян редкостный и вспыхивал, как порох. Без повода не ругался, но уж когда расходился... Спасайся, кто может. А я оскорблений терпеть не намерен – ни от кого.

– Вот видишь. Это была не просто вспыльчивость – болезненная агрессивность. Из-за проблем с нервной системой, угнетенной ожиданием смерти. Или патологией мозга.

– Ладно, его уже нет... Я зла не держу. Какая разница, почему он меня уволил? Теперь это не имеет значения.

– Я только хотела сказать, как папа порой бывал непредсказуем, несправедлив и упрям. Причем раньше эти качества не проявлялись так жестко, немотивированно. Болезнь сильно повлияла на его психику.

Мысли о Владе отозвались в сердце молодой женщины тревогой. Мама ошибается, полагая, что они не любят друг друга. Ни один мужчина не волновал ее так, как Неверов. Именно таким она представляла своего жениха в наивных девичьих грезах – красивым, мужественным, умным и предприимчивым. Вдвоем они все преодолеют, из любой ситуации выйдут победителями.

Между ними уже случалась близость – и каждая сладостная подробность тех ночей заставляла Леду замирать от предвкушения будущих ласк. Но Влад уехал по делам и почему-то не слал долгожданных весточек. Его сотовый неизменно сообщал об отсутствии связи с абонентом, а в электронный почтовый ящик, специально созданный для тайной переписки возлюбленных, перестали приходить письма.

Леда плеснула себе еще коньяка. Неужели жених ее бросил, сбежал? Не может быть. Влад слишком хорошо воспитан, чтобы расставаться с женщиной столь вульгарным способом. С ним произошло что-то непредвиденное! Картинки дорожной аварии, бандитского нападения, внезапного приступа какой-нибудь болезни промелькнули в сознании Леды. Нельзя сидеть сложа руки! Надо что-то предпринимать...

Она набрала номер подруги, которая вскользь упоминала о знакомой гадалке. Не пойти ли к ясновидящей? Быть в неведении мучительно.

Подруга выразила готовность договориться с «госпожой Тарой», как величала себя провидица.

– А что стряслось? – поинтересовалась она.

Леда ни с кем не откровенничала. Особенно с подругами. Собственно, таковыми она не обзавелась – правильнее было называть их приятельницами.

– Смерть папы вызывает у меня сомнения, – солгала она. – Хочу посоветоваться, стоит обращаться к частному детективу или нет.

– Уже полгода прошло... – удивленно протянула подруга.

– И все это время мне не дает покоя его кончина. Вдруг ему помогли уйти из жизни?

Глава 3

Астра Ельцова съездила-таки взглянуть на ремонт – отец уговорил. Бабушкина квартира на Ботанической улице преобразилась: новые окна, двери, сантехника, паркетный пол. Работы еще хоть отбавляй, но основное уже вырисовывается.

Господин Ельцов – владелец страховой компании «Юстина» – не был стеснен в средствах и мог сделать сколь угодно дорогой интерьер. Дочь сама попросила обустроить квартиру по средненькому стандарту.

– Мне попроще, папа, – настояла она. – Я уют люблю. Вся эта помпезность меня утомляет. Хочу жить обычной жизнью, понимаешь?

– Ты и *обычная жизнь*? – прищурился отец. – Ушам не верю! А кто из дому сбежал и в домработницы к какой-то немке подался, а потом в сибирскую глухомань укатил, к двоюродной сестрице, которую никто в глаза не видел?¹ Думали, не вернется уже блудное чадо. Слава богу, приехала! Только почему-то не у родных матери с отцом поселилась, а у жениха, то бишь гражданского мужа. Это теперь так называется, да? Когда девушка с парнем живут, невенчаные, – значит, у них гражданский брак. Тьфу! Срамота!

– Мы любим друг друга, – насупилась Астра.

– Почему не сыграть свадьбу по-человечески? – беззлобно ворчал Ельцов. – Мы с матерью что, не люди? Мы внуков не хотим, да? Тебе уже скоро тридцатник стукнет, а ты все девчонкой себя считаешь. Все не остепенишься никак! Вертихвостка. Разве это *обычная жизнь*? Где ни появишься, там то пожар, то труп...

Он сам испугался вырвавшихся слов, сжал губы, замолчал.

– Вот здесь светлые обои нужны, – как ни в чем не бывало сказала дочь. – А в той комнате – с крупным рисунком. Под старину.

– Почему бы твоему... Матвею не заняться внутренней отделкой?

– Лучше тебя, папа, никто с ремонтом не справится.

Астра встала на цыпочки и чмокнула его в щеку. Ельцов растаял.

– Мебель хоть сами выбирать будете? Или тоже я?

– Конечно, ты! У нас с тобой одинаковый вкус. – Она обвела взглядом стены. – А вот здесь я повешу портрет, который ты Домнину заказывал.²

– Погиб художник. Жаль человека, – вздохнул Юрий Тимофеевич. – Талантливый был живописец. Как он тебя изобразил! Аж дух захватывает. И такая беда, разбился насмерть. Говорят, в парке с колеса обозрения упал.

Астра поспешно перевела разговор на ремонт. Они обсудили кое-какие детали, и Ельцов засобирався в офис.

– У меня важная встреча. Тебя подвезти, дочка?

– Конечно.

Он давно предлагал купить ей машину, но Астра отказывалась. Она не любила водить, да и пробки на дорогах. Общественным транспортом быстрее.

– Надо тереться локтями, – посмеивалась дочь. – Быть в гуще жизни. Здорово повышает иммунитет и тела, и духа.

В загородный коттедж, где поселились родители, Астра приезжала только по праздникам. Иногда одна, чаще с Матвеем Карелиным, которого всем представляла женихом. Они являли

¹ О связанной с этим детективной истории читайте в романе Натальи Солнцевой «Магия венецианского стекла», издательство «Эксмо».

² О связанной с этим детективной истории читайте в романе Натальи Солнцевой «Загадка последнего сфинкса», издательство «Эксмо».

собой странную пару – на людях источали взаимную нежность, но о будущей свадьбе не заговаривали, даже избегали этой темы. Супруги – не супруги. Сожители? Любовники? Поди разберись.

Ельцовы предпочитали не затевать щекотливых бесед, обходить стороной острые углы, уклоняться от вопросов любопытствующих знакомых. Нынче молодые сами свою судьбу решают. Лучше не вмешиваться. Еще свежо в памяти несостоявшееся замужество дочери с Захаром Иванициным, его измена и смерть.³

«Может, Астра и права, что не торопится, – думал Юрий Тимофеевич, глядя на сидящую рядом дочь. – Она пережила настоящую драму. Пусть присмотрится как следует к этому Матвею. В женихах-то все обходительные и предупредительные, а вот какой потом муж получится – не угадаешь».

«Мерседес» мягко катил по вымытому ночным дождем асфальту. Солнце припекало полетному. От земли шел пар, листья на деревьях блестели, в скверах цвела сирень. По краям подсыхающих луж белела пыльца.

– Май в этом году теплый, – благодушно произнес Ельцов. – Видать, лето будет жаркое.

У Астры на коленях лежала изящная шляпка из светлой соломки. Свободный хлопковый костюм горчичного цвета с белыми прошивками очень шел к ее лицу и темным волосам. Она похорошела, как хорошеют весной влюбленные женщины.

«Дай бог! – произнес про себя Ельцов. – Дай бог!»

– Тебе куда?

– В кафе «Миранда», – улыбнулась она. – У меня там встреча назначена. Знаешь Леду Куприянову?

– Покойного Павла Анисимовича дочь? Лично не знаком, но слышал. Горе у них в семье: отец скоропостижно скончался. Крепкий был мужик, не старый – едва за семьдесят. Бизнес вел с размахом, и теперь его женщины остались один на один с этакой махиной – «Куприянов и партнеры». Тут не каждый опытный управленец справится. Не то что несмышленные дамочки. Гиблое дело. Продавать надо компанию! – Он настороженно уставился на Астру. – А по какому поводу встреча? Вы, кажется, никогда не дружили с Ледой, даже не знакомы.

– Вот и познакомимся.

Она поджала губы, и Юрий Тимофеевич понял – вопросов больше задавать не следует. Какая ему разница, зачем молодые женщины ходят в кафе-кондитерскую? Поболтать, полакомиться пирожными, выпить чашечку кофе.

– У «Миранды» останови, – сказал он водителю.

* * *

Столики в кафе были украшены маленькими вазочками с тюльпанами.

Леда уже сделала заказ и нервно разминала в руках длинную сигарету. Табличка «У нас не курят!» ужасно раздражала ее. Астра сразу догадалась, что женщина с сигаретой и есть молодая госпожа Куприянова.

Они поздоровались, и Астра опустилась на свободный стул.

– Вы любите ванильное суфле? – отрывисто спросила Леда. – Нам сейчас принесут. Может, еще что-нибудь?

– Нет, спасибо.

Она молчала, предоставляя Куприяновой право начать разговор. Та медлила. Сигарета в ее тонких ухоженных пальцах сломалась, на скатерть посыпались крошки табака.

³ О связанной с этим детективной истории читайте в романе Натальи Солнцевой «Магия венецианского стекла», издательство «Эксмо».

– Мне рекомендовала вас приятельница, – наконец вымолвила Леда. – Вы обладаете экстрасенсорными способностями?

– Какими, простите?

– Ну... Можете видеть то, что обычным людям не под силу?

– Кто вам сказал?

– Я понимаю, такие вещи не афишируют. Вы принадлежите к избранному кругу, поэтому... все останется между нами. Я могу рассчитывать на вашу... порядочность?

– В полной мере, – кивнула Астра. – Если вы имеете в виду конфиденциальность.

– Да! – принужденно улыбнулась Куприянова. – Я бы не хотела стать объектом сплетен.

– Это исключено. Так чем могу быть полезна?

– Дело в том... Моя приятельница рассказала, что вы помогли одной весьма состоятельной даме выяснить истинную причину смерти ее мужа. Фамилии она не называла, а я не спрашивала. Мне достаточно ее слова.

Леда замолчала и достала из пачки вторую сигарету. Ее пальцы мелко дрожали, выдавая волнение.

– И что же?

– В общем, я хотела пойти к гадалке, но передумала. Я очень щепетильна во всем, что касается нашей семьи. А гадалка, которая широко практикует, может оказаться ловкой мошенницей. Кто поручится за ее молчание? Деньги – большое искушение для людей подобного сорта. По этой же причине я не стала обращаться в детективное агентство. Вы – другое дело. Вы не нуждаетесь в средствах и если согласитесь оказать мне услугу, то сделаете это из сочувствия, из интереса или для того, чтобы развить свои способности. Никому не придет в голову *покупать* у вас информацию.

Астра поморщилась.

– Извините меня за прямоту, – заметила ее гримасу Леда. – Но я играю открытыми картами и жду того же от вас. Разумеется, я заплачу вам, и заплачу щедро. Вы потратите время, силы, и это требует вознаграждения. Я не останусь в долгу.

Госпожа Куприянова пришла на встречу в простых льняных брюках и легкой блузке, которые продаются в магазинах для людей со средним достатком. «Позаботилась, чтобы ее внешность не бросалась в глаза, – отметила Астра. – Явно избегает огласки. Что ж, меня ее подход устраивает».

Волосы Леда спрятала под тонкую косынку, рядом на столике лежали ее темные очки. Она была жгучей брюнеткой – об этом говорили выпущенные на лоб завитки – с черными бровями и густыми ресницами. Ее фигура отвечала бы современным стандартам, если бы не тяжеловатые бедра. К красоте Леды примешивались южные краски – смуглый оттенок кожи, яркий, четко очерченный рот, нежный пушок над верхней губой.

– Речь пойдет о... моем женихе, господине Неверове, – сказала она. – Он уехал в служебную командировку и... пропал. Не звонит, не пишет, не дает о себе знать. Не могли бы вы... *посмотреть*, где он, чем занимается... все ли с ним в порядке?

– Боюсь, вас ввели в заблуждение, – смутилась Астра. – Ясновидение – тонкое и не всегда надежное подспорье в моем методе расследования. А в остальном я, как и остальные, полагаюсь на анализ уже известных фактов. Или ищу подтверждения своим догадкам вполне материальным путем.

– У меня не было сомнений, что я услышу именно это. Я не ошиблась, обратившись к вам. Вы скромничаете! Используйте любые способы, какие сочтете действенными, только найдите Влада. Видите ли, мы обручились тайно, чтобы его положение будущего члена нашей семьи не повлияло на сотрудников компании. Согласитесь, что с наемным управленцем они более открыты, меньше напряжены и скорее проявят свои истинные качества. Мой отец держал всех в ежовых рукавицах. А когда он умер, словно плотину прорвало. Все подавленные намерения

папиных партнеров, директоров фирм, финансистов, менеджеров полезли наружу: компанию просто разрывает на части. Впрочем, я отклонилась от темы.

Официантка принесла кофе, коктейли, суфле и мороженое со свежими фруктами.

– Скажите мне хоть что-нибудь! – взмолилась Леда, когда девушка отошла. – Как вы чувствуете, он жив?

– Жив, – выпалила Астра первое, что пришло ей на ум.

Надо доверять первой мысли. Люди зачастую пренебрегают этим интуитивным импульсом, идущим из подсознания, пускаются в рассуждения и сами себя запутывают.

– Слава богу! – с облегчением выдохнула Куприянова. – Честно говоря, меня мучают ужасные сны. Так вы возьметесь за поиски?

– Введите меня в курс дела, тогда я скажу точно.

Леда развела руками:

– У меня такой сумбур в голове. Лучше вы сами спрашивайте, а я буду отвечать.

– Хорошо. Кто знает о том, что господин Неверов – ваш жених?

– Никто... Кроме моей мамы. Я просила Влада даже его родителей не посвящать пока в наши планы. Надеюсь, он так и поступил.

– Откуда он родом? Возможно ли связаться с его семьей?

– Влад – коренной москвич. Он поздний ребенок. Говорят, такие дети бывают особенно одаренными. Его отец эмигрировал в США, там у него какой-то бизнес, а мама живет на Шаболовке. Она больна и плохо видит. Влад нанимает для нее сиделку.

– Вы звонили его матери?

– Конечно, несколько раз. Она отвечает, что сын в командировке. Дать вам адрес?

Она назвала номер дома и квартиру. Астра записала.

– А другие родственники у них есть? В Москве или где-нибудь еще?

– Я не знаю. Мы это не обсуждали.

– Вы давно знакомы?

– Около двух лет. Влад работал ведущим менеджером в главном офисе, он способный руководитель. Но они с отцом не сошлись характерами, повздорили, и тот уволил Влада. Он сначала терпел придирки отца, потом дал отпор. А папа не допускал пререканий, он был патологически авторитарен. Думаю, болезнь превратила его недостатки в психические отклонения. В общем, он невзлюбил Влада, и мы продолжали встречаться тайком.

– Где вы познакомились?

– На корпоративной вечеринке. Отец в последнее время требовал, чтобы я присутствовала на праздниках и юбилеях компании.

– Когда Влад уволился?

– Примерно год назад. Он подыскивал себе достойное место, а когда папа умер, я попросила его вернуться. Влад хорошо разбирается в документах, в финансовых операциях, умеет заключать сделки, знаком с ходом дел в компании изнутри. Мне некому довериться, кроме него.

– Он и раньше ездил в командировки?

– Да. Довольно часто. И всегда поддерживал связь со мной. А сейчас – как отрезало. Я просто извелась, не знаю, что и думать.

– А куда он поехал?

– В Санкт-Петербург. И оттуда уже не отозвался. Я звонила в наш питерский офис, но тщетно. Он там появился, привел в порядок бумаги, проверил отчеты и сказал, что хочет денек отдохнуть. С тех пор его больше не видели. Прошло уже две недели. Я со дня на день жду – вот-вот позвонит, вот-вот напишет. Пришлет телеграмму, в конце концов! Свяжется по Интернету. Ничего...

– Может быть, стоит заявить в милицию?

– Ни за что! – вспыхнула Леда. – Мы всегда сами улаживали семейные проблемы. Зачем посвящать посторонних в наши личные дела?

У нее на лбу было написано: «Если жених банально сбежал, о моем позоре не должна узнать ни одна душа!»

– Почему бы вам не съездить в Санкт-Петербург? – спросила Астра. – Не поговорить со служащими офиса? Человек не иголка. И он не растворяется в воздухе. Кому-то Влад мог обмолвиться, куда собирается на отдых...

– Это исключено! – перебила ее Куприянова и достала из сумочки конверт с деньгами. – Берите. У вас будут расходы. Вы же не откажетесь помочь мне? Вот две любительские фотографии Влада. Вдруг пригодятся?

Астра вспомнила свои собственные перипетии с женихом. Как женщина женщину, она понимала Леду. Ее заинтересовало странное поведение господина Неверова.

– Он поехал поездом?

– На машине, – обрадовалась Леда. – У него джип «Хонда». Значит, вы согласны?

Глава 4

Водитель рейсового автобуса, следовавшего в сторону Холма, боролся с дремотой.

У него недавно родился ребенок, и о спокойном сне пришлось забыть. Изнурительные ночи сказывались на его самочувствии: голова гудела, глаза слипались, челюсти сводила непрерывная зевота. Включенное радио и мятные леденцы помогали мало. Он крепко держал руль и старался сосредоточиться на дороге.

Вдоль шоссе потянулся смешанный лес – молодые березки, осины, черные на их фоне ели. На этом участке дороги водители старались не останавливаться. Место пользовалось худой славой. Говорят, когда-то, столетия три назад, погибла на болотах молодая монашенка. Она-де сбежала из монастыря, которых в округе было несколько, и не сумела перейти топь, утонула. С тех пор ее неприкаянная душа не знает покоя, бродит, ищет того, по чьей вине прервалась юная жизнь, чтобы жестоко покарать злодея. Она появляется на обочине, голосует, садится в автомобиль, и этот автомобиль бесследно исчезает. Естественно, вместе с водителем. Автобусы с пассажирами, правда, пока не пропадали, но среди шоферской братии прочно укоренилось правило: проезжать проклятое место как можно скорее.

Стояло раннее утро. Над кромкой леса небо порозовело. Понизу стелился туман, видимость оставляла желать лучшего, а водитель автобуса клевал носом. Встряхивая головой, он попытался взбодриться... И едва не проехал остановку у деревни Шубинка.

– Эй! – закричали в салоне горластые бабы. – Очумел, что ли? Зенки-то протри!

Злой нынче народ пошел, никакого уважения к шоферу. «Вот возьму и не открою двери, – оскорбившись, подумал он. – Будете знать, как нужно разговаривать с человеком!»

Выругался, но двери все же открыл. Трое пассажиров вышли, сердито оглядываясь, и зашагали к повороту в деревню. Вместо них вошли старик и девушка. Сонный водитель, провозжая взглядом сварливых баб, не сразу обратил внимание на новеньких.

Старик с седыми космами и жидкой бородашкой смахивал на попа-расстригу: длиннополый плащ, подпоясанный толстой веревкой, сапоги, на плече рюкзак. А девица... заставила шофера проснуться. Одета во все черное – свитер, безрукавка, брюки, плотно повязанный на лоб платок, – она сидела, смиренно опустив глаза и сложив на коленях руки. Чисто монашка!

«Неужто *та самая*? – вспыхнуло в голове. – Не может быть! Монашки в брюках не ходят. Грех это!»

Дремота куда-то делась. Шофер не столько вел автобус, сколько наблюдал в зеркало заднего вида за «монашкой». Поп-расстрига прислонился головой к стеклу и закрыл глаза. Они с девушкой ни словом не перемолвились.

«Вместе они путешествуют или порознь? – гадал водитель. – Сели в Шубинке. А где выйдут?»

– Оплачивайте проезд, – объявил он в микрофон.

Расстрига даже не пошевелился, а девушка вдруг встала и подошла к передней двери. За ее спиной болталась матерчатая сумка.

«Для подаяния? – пришло в голову шоферу. – Надеюсь, у нее там не взрывчатка!»

Он посмотрелся фильмов про террористов, и теперь к боязни привидения примешался страх перед насилием. Что, если старик и девица – переодетые бандиты, которые хотят захватить его автобус и взять пассажиров в заложники?

«Монашка» внимательно смотрела в окно, словно старалась не пропустить приметку, указывающую, где нужно выходить.

Вообще-то останавливаться «по требованию» посреди пути, в отдалении от населенных пунктов, было нежелательно. Но в дороге всякое случается. Может укачать человека, или по нужде приспичит. Однако по виду «монашки» не скажешь, что ей плохо.

Она повернулась и посмотрела на шофера из-под платка. Того бросило в жар. Взгляд ее ничего не просил, но молодой человек понял: лучше ему исполнить любое требование странной пассажирки. И о деньгах не заикаться. Чем скорее она выйдет, тем легче ему станет дышать.

Девушка протянула красивую руку, подала ему пару смятых купюр и произнесла:
– Остановите...

Он беспрекословно притормозил, выпустил ее из автобуса, и она пошла по выстланной зеленоватым туманом просеке в глубь леса. Куда? Зачем? По грибы? Так у нее корзины нет, да и для грибов еще рано. По ягоды? Опять же без корзины, без ведра. И какие в мае ягоды?

– Девка-то, чай, на болота пошла, – неожиданно громко прошамкала старуха, замотанная, несмотря на теплую погоду, в шерстяной платок. – Здесь Дамианова топь начинается, рукой подать. Туда в старину монахи в затвор удалялись от миру.

Ее реплику никто не поддержал, и старуха замолчала. Поп-расстрига чуть приоткрыл глаза и снова закрыл. Между тем тонкая темная фигурка девушки скрылась в тумане.

Если бы водителя спросили, какое у нее было лицо, голос, он бы не ответил. Но что-то неосязаемое, непостижимое и тревожное оставила она после себя в автобусе, в мыслях шофера и пассажиров, которые не спали.

* * *

В лесу царил прохладный сырой полумрак. Туман зеленой дымкой поднимался до середины стволов. Вверху рассвет заливал небо и деревья малиновым сиянием. Шумел ветер. Сонно перекликались птицы.

«Монашка» шла медленно, осторожно ступая по краю колеи, полной прошлогодней перегнившей листвы. В тумане старая дорога то и дело пропадала из виду. Потянулось мелколесье. В сыром мареве зазвенели комары.

Наконец взору открылся простор болот. Весной и летом ходить по ним было опасно – яркий ковер мха скрывал под собой зыбкую трясины. Кое-где островками росли маленькие кривые сосенки, молодые осинки и ольха. Между кочками тянулась узкая тропка: того и гляди оступишься и попадешь ногой в покрытую ряской лужу. Резкий запах прели и багульника кружил голову.

Девушка миновала главный ориентир – группу деревьев, сгрудившихся на сухом возвышении, – и свернула налево. Ветер усиливался. В воздухе плавали разорванные клочья тумана. Вставало солнце, в его золотом свете вдаль снова показался лес, и над его стеной – купола сказочного города. Как всегда, это величественное зрелище захватило дух.

Идти оставалось километра три. «Монашка» решила отдохнуть, присела на поваленный ствол, достала из котомки пакет с пышками и пластиковую бутылочку с водой, перекусила. От ходьбы она покраснела, разогрелась.

В начале зимы, когда болото замерзает, добираться по старой дороге легче и быстрее. Но сейчас май, а идти надо. Если бы знать зачем! Что она собирается понять, осмыслить вдаль от человеческого жилья, в безлюдье, в пустынности здешних мест? В ее сердце вкралась жестокая смута, жажда мирских радостей, и это искушение ниспослано свыше. Для чего? Разве она не сделала окончательный выбор?

Девушка глубоко вздохнула, поднялась и зашагала дальше. Ее следы наполнялись черной торфяной водой. Главное – не думать, что под слоем мха, спрессованных корней и перегноя таится бездонная топь или даже глубокое подземное озеро, в котором водятся лешие и болотные девы. Они могут уцепиться за ноги одинокого путника и утащить вниз, в угольную черноту вод.

К полудню она добралась до полуразрушенной каменной ограды и с облегчением смахнула со лба капельки пота. Вблизи «золотой город» оказался всего лишь развалинами заброшенного монастыря, затерянного среди топей. Дамианова пустынь...

Можно только гадать, где находились три века назад многочисленные постройки – часовня, конюшни, погреб, деревянные сараи, склады для провизии, хлебный амбар, прачечная, баня, каретный двор. Не верится, что сюда можно было добраться в карете! *«При державе Благочестивейшаго Великаго Государя и Великаго князя Петра Алексеевича Всея Великия и Малыя и Белья России»* к монастырю вела оснащенная дренажной системой дорога. А сейчас она пришла в полную негодность, но все еще служит надежным указателем.

Из всех строений уцелели только часть келий и руины каменного собора. На его крыше виднелись голый остов купола, несколько луковок и молодые деревца. Кладбище заросло березняком и кустарником. Среди зеленой гущи едва выглядывали чугунные кресты. Колокольню во время войны уничтожили немецкие снаряды, но призрачные колокола звонят по сей день. От их глухого медного гула мороз идет по коже.

Пустые арки окон забраны ажурными чугунными решетками. Если бы не болота, охотники за наживой давно сдали бы их на металлолом.

Затаив дыхание, «монашка» переступила порог храма. Какая-то птица с шумом взмыла вверх, уселась на кирпичный карниз. Выщербленные серые плиты пола, усыпанные каменной крошкой и сухими листьями, гасили звук шагов. Под высоченными сводами бродило гулкое эхо.

Девушка замерла у мраморных фрагментов иконостаса, опустилась на колени. Чего просить у Бога? О чем молиться?

Вся ее простая, небогатая событиями жизнь развернулась перед ней – детство, юность, скупые ласки отца, нежные заботы матери, стены детской, оклеенные розовыми обоями, на окне – штора из соломки, сквозь которую узкими полосами просвечивало солнце. По праздникам семья собиралась за большим столом: твердые края накрахмаленной скатерти, начищенные столовые приборы, вино в хрустальных бокалах, вкусная еда. В центре стола – непременно запеченный до хрустящей корочки гусь или утка, обложенные ломтиками лимона и зеленью. Большая новогодняя елка в блестящих игрушках; конфеты на ветках, подарки в яркой оберточной бумаге, свежий запах хвои, мандаринов и слоеного торта. Папа разрезает обильно пропитанный заварным кремом торт...

– Ешьте, дети.

– Таюшка, какое у тебя красивое платье! – восхищается мама. – Ты у нас просто принцесса!

Какие безутешные слезы проливала маленькая Тая, уронив на пышную юбку с воланами кусок торта! Папа строго грозил пальцем, а у самого глаза смеялись. Мама гладила дочку по головке, успокаивала:

– Не беда! Новое купим, еще лучше!

Разве то было горе? Много позже, спустя годы Тая осознала, что проливала тогда слезы счастья.

Она помнила себя еще совсем крохой, неуклюжими шажками ковыляющей к отцу, к его большим ногам, обутым в красивые туфли, – ручонки не хватало, чтобы обнять эти ноги, прильнуть к ним и застыть, вдыхая запах кожи и шерстяной материи, почувствовать себя защищенной от всех невзгод. Она думала, так будет всегда...

Бог рассудил, что людям лучше не ведать своего будущего. Великая мудрость заключена в этом и великое милосердие.

«Монашка» очнулась, поднялась с колен. Опять вместо молитвы ее затопили воспоминания. Прошлое, от которого она отказалась, не собиралось отступать от нее. Оно по-преж-

нему стояло у нее за плечами – полное пугающих видений, грешных мыслей и мирских желаний. Не так-то легко отрешиться от земного в юдоли сей...

Умноженные эхом звуки из-под пола заставили ее насторожиться. Здесь никого не должно быть, только она и Бог. Что-то прокатилось под каменными плитами, словно всплеснула хвостом матерая щука.

Девушка поспешно перекрестилась, прислушалась. Она знала, что в подвалах храма стояла вода, – дренажные траншеи и трубы столетиями засорялись, а чистить их было некому. Но кто мог возмутить спокойствие этих затхлых подземелий?

Захотелось выйти на воздух, к солнцу, деревьям, синему небу с барашками облачков.

Бывший монастырский двор густо зарос мелким кустарником, душистыми травами. Стрекотали сороки, где-то на стволе старой осины постукивал дятел. «Монашка» сняла черный платок, расправила волосы. В ее лице, как и в окружающей природе, нежные тона весны уже сменялись плотными красками лета, – золотистый румянец, ярко-зеленые глаза, карминные губы. Навскидку ей можно было дать года двадцать четыре, но в линии бровей, в мягкости взгляда, в едва наметившихся морщинках уже читалось тридцатилетие.

– Господи! – воскликнула она, срывая колокольчик. – Хорошо-то как...

Москва

Приближалось лето.

Матвей Карелин понимал: как только закончится ремонт в квартире на Ботанической, Астра переедет туда, и их непонятные дружески-любовные отношения примут иной характер. Они так и не объяснились, так и не разобрались, какие тропинки привели их друг к другу, сблизили, заставили переосмыслить предыдущую жизнь.

Они оба родились и выросли в Москве, а встретились в глухом Камышине. Если бы Матвей обитал на другой улочке, если бы Астра вышла из электрички на другой станции, если бы на нее не набросился бешеный пес, а Матвей не выбежал на ее крики, они бы никогда не познакомились. Но все произошло так, как произошло.

Теперь они изображали жениха и невесту, которые уже живут под одной крышей. Вряд ли кто-нибудь поверил бы, что никакого интима между ними нет, – они как будто дали обет целомудрия, безбрачия... или платонической любви. Астра искренне думала, что не собирается выходить замуж. Матвей и слышать не желал о женитьбе.

Она решила покончить с прошлым и заняться частным сыском. Матвей согласился оказывать ей посильную помощь. Спасаясь от пожара в доме баронессы, «камышинской немки», она взяла с собой «венедианское» зеркало, сухой корешок мандрагоры и видеокассету со странными эпизодами, записанными на пленку убийцей.

– Эти картинки определяют будущие события! – твердила Астра.

Корешок, по форме напоминающий крошечного сморщенного человечка, она называла *Альрауном* – домашним божком, гномом, оборотнем, который всюду следует за своим хозяином и выручает в трудные моменты.

– Я вынесла его из огня, теперь он мой должник.

Матвей смеялся, но переубедить Астру не мог – она была чертовски упрямой. В полнолуние Астра брала корешок с собой в постель.

Матвей как-то не удержался:

– Твой любовник?

– В лунные ночи он особенно страстен! – без запинки парировала она. – Не то что некоторые. Он не боится переходить на *тот берег*.

Она часами могла сидеть перед «венедианским» зеркалом – не прихорашиваясь, а разглядывая свое отражение и беседуя с ним. Женщина в золотистой глубине *зеркала* была ее сивиллой, предсказательницей, советчицей.

У *зеркала* имелось имя – полустертая надпись на обратной стороне: *ALRUNA*.

– *Альраун* и *Алруна* происходят от древнего названия мандрагоры: нечто таинственное, сокровенное, – объясняла Астра. – Это не простой корешок и не простое зеркало. Они оба живые!

– Пусть будет по-твоему, – скептически усмехался Карелин. – Только глупец вступает в спор с женщиной.

Он неожиданно увлекся Астрой, и придуманная ею для окружающих легенда про жениха и невесту перестала казаться ему бредовой. Гражданский брак – чем плохо? Однако и этот брак был мнимым. Астру, казалось, все устраивало. Она, словно перелетная птица, остановилась на отдых перед дальнейшим путешествием. Того и гляди вспорхнет и полетит в заморские страны.

Матвей ловил себя на мысли, что ему не хочется отпускать ее.

Вечером, возвращаясь домой, он видел свет в окнах своей квартиры, и сердце его замирало от беспричинной радости. Сейчас Астра накроет стол к ужину, они выпьют по бокалу красного вина и будут вести странный и волнующий разговор, полный недомолвок и туманных

намеков. Что ему так нравилось в путаных, интригующих речах Астры? Он бы и сам хотел понять.

Карелин, хозяин преуспевающего конструкторского бюро, проводил день в офисе. После работы, по вторникам и четвергам, он занимался с группой «трудных» подростков в военно-спортивном клубе «Вымпел», обучал их рукопашному бою и выживанию в экстремальных условиях, ненавязчиво прививал ребятам здоровые привычки. Умение найти подход к молодым парням, которые исповедовали нигилизм и полную свободу нравов, к каждому подобрать ключик и задеть чувствительную струнку в душе передалось Матвею вместе с генами: его отец уехал на Кубань выращивать виноград и айву, а неприкаянных мальчишек оставил на попечение сына. Тот сначала с неохотой принял эстафету, а потом стал все больше проникаться проблемами подрастающего поколения. Ребят не проведешь. Они чувствуют, кто искренне к ним расположен, а кто играет роль «доброго учителя».

– Я вас не учу, – говорил он своим подопечным. – Я с вами дружу.

Астра горячо поддерживала взгляды Матвея и с удовольствием общалась с мальчишками из его группы. Они, в свою очередь, сразу влюбились в Астру Юрьевну и слушали ее с открытыми ртами, вызывая легкую ревность наставника.

– Как твои парни? – спрашивала она, едва он переступал порог.

– Ты бы мной поинтересовалась! Как мои дела, удалось ли мне пообедать сегодня? Сколько клиентов морочили мне голову?

– Не ворчи, – улыбалась Астра. – Я от скуки сделала гусиный паштет. Давай садись за стол.

Кулинарию она освоила, работая компаньонкой у баронессы Гримм, притом довольно недурно.

Сегодня Матвея ждал приятный сюрприз – шоколадный торт по венскому рецепту.

– О! – воскликнул он. – Запах божественный. А вкус...

– Это из «Миранды», – разочаровала его Астра. – Я встречалась там с Ледой Куприяновой. У нас новое дело! Будем искать господина Неверова, ее жениха.

– Ты хочешь сказать – *у тебя* новое дело?

– У нас, – повторила она. – Можешь отлучиться на недельку из своего бюро? Мы едем в Санкт-Петербург. Ты видел этот прекрасный город весной?

Глава 5

Подмосковный поселок Витеневка

За завтраком Римма Николаевна заметила, что у Леды совершенно отсутствует аппетит. Она с тревогой наблюдала за дочерью.

– Ты здорова?

– Да, – машинально кивнула та.

– Как Влад?

– Хорошо.

– Значит, опять худеешь? Ну, лапушка, это уж чересчур, ей-богу! И так в чем душа держится!

Леда сочла за лучшее промолчать.

Мама являла собой образец наивности и беспомощности, какой-то даже комичной не приспособленности к жизни. Она существовала в своем собственном мирке, отделенном от остального мира Китайской стеной. Бедная! Она не подозревала об истинном положении дел, и с ней было бесполезно говорить об этом. Все равно в одно ухо влетит, в другое вылетит. Как она умудрилась просуществовать бок о бок с отцом столько времени и ничего не перенять? Впрочем, она была ему подходящей женой. Другая женщина не выдержала бы и дня.

– У нас неприятности, мама. Серьезные проблемы с финансами.

– Влад все уладит. Нам не стоит путаться у мужчин под ногами. Папа всегда все вопросы решал сам.

– Влад задерживается в Санкт-Петербурге, – нервно произнесла Леда. – Он приболел. Слег с гриппом.

– Надеюсь, ничего опасного?

– Я тоже... надеюсь! – Она вскочила, испытывая непреодолимое желание глотнуть коньяка. Но наливать при матери Леда не осмеливалась.

– Глупышка! – пробормотала Римма Николаевна, покончив с омлетом. – Чего ты переживаешь? Подумаешь, грипп? При его-то крепком молодом организме? День-два, и все как рукой снимет. И о финансах не стоит беспокоиться. Не в деньгах счастье!

– Конечно!

Римма Николаевна не заметила в голосе дочери злости и сарказма. Она привыкла игнорировать любые негативные эмоции, приспособляясь к обстоятельствам и не помышляя их менять. Усилия не оправдывают себя.

– Тебе чаю налить или кофе?

– Я возьму минералку в комнату. – Леда достала из холодильника бутылку нарзана и отправилась в гостиную.

Там она, стараясь не шуметь, плеснула в стакан из первой попавшейся бутылки, глотнула и взглянула на этикетку. «Джин». Боже, какая гадость.

Мама заблуждается! Она никогда денег не считала и не понимает, каково оказаться без них. Предел ее мечтаний – спокойная жизнь, обильный стол, красивая одежда и культурные развлечения. К последним она относит посещение театров, чтение душещипательных романов, просмотр телесериалов и отдых на море. Ее не интересуют грандиозные планы Леды, вложение миллионных прибылей компании в выгодные проекты, размах и полет фантазии.

– Где же, черт побери, Влад?

Леда снова потянулась к бутылке, одернула себя и закрыла бар. Этому пора положить конец. Так она... не сопьется, нет, но навредит своей красоте. Перегрузка печени плохо скажется на коже, старит ее, провоцирует появление пятен.

Леде приходилось следить за собой – ведь она еще не вступила в законный брак с молодым преуспевающим мужчиной, не облачилась в подвенечное платье, за ее спиной не шептались с завистью и восхищением многочисленные гости. Хороша будет невеста с отеками и несвежим цветом лица! Никакие бриллианты не замаскируют этих «косметических» недостатков. Разве что накрыться густой вуалью? Так ведь от жениха под ней не спрячешься.

Молодая женщина истерически расхохоталась. С женихами ей жутко не везло. Она привыкла к мысли, что деньги всюду проложат ей дорогу – в том числе и к сердцу суженого. Оказалось, не все так радужно.

Сначала к ней посватался господин Борщин – богатый, тучный, лысеющий предприниматель, с брюшком и вывернутыми мокрыми губами, один из партнеров отца. Самое ужасное – папа обеими руками был «за». Борщин – не красавец, в возрасте, уже успел погулять, достаточно обеспечен, дважды разведен, и в третий раз ему сам бог велел стать надежным семьянином. Капитал, опять же, дробить не придется.

Мама, для которой мнение супруга было законом, поддакивала.

– Зато не ты его, а он тебя ревновать будет, – вторила она. – Человек остепенился, имеет жизненный опыт. Чем не пара?

Леда встала на дыбы:

– Видеть не могу вашего Борщина! Пусть фамилию сменит хотя бы. Если уж пузо убрать нельзя!

Фамилию жених менять отказался – наотрез. Обиделся, расфыркался, перестал приезжать на чай по-английски, который устраивала по заграничному образцу Римма Николаевна. Куприянов такой наглой выходки не стерпел, дал жениху от ворот поворот. А дочка только того и ждала.

Вторым претендентом на руку и сердце состоятельной невесты был некто Померанцев – полная противоположность Борщину. Невероятно длинный, худой как жердь, с впалой грудью, вытянутым лицом и узкими хищными глазками, он казался пародией на мужчину. Господин Померанцев занимался банковским бизнесом и ссужал деньги «Куприянову и партнерам».

– У этого жениха пуза нет, – с усмешкой заявил Леде отец. – И к фамилии не придется. Был женат, оставил супругу с тремя детьми ради твоих прекрасных глаз. Так что не взыщи, дочка, ответить отказом язык не поворачивается.

Леда навела справки. Супруга с детьми сама два года как ушла от Померанцева – не выдержала его педантичности, занудства и скупости.

На возмущенную тираду дочери Куприянов возразил:

– Тебе не угодишь, сударыня! Тот толст, этот худ... Гляди, останешься у разбитого корыта.

– Он жадный, – рыдала Леда. – И страшный, как Кощей!

– Зато долго жить будет. И приданое твое не растратит, а приумножит. Глупа ты, падка на смазливую внешность. Мужчина – не кукла. Или ты среди стриптизеров пару себе искать вздумала? Я в доме разврата не допущу! Брак, да будет тебе известно, – богоугодное дело и заключаться должен для продолжения и процветания рода. В постели детей зачинают, а не распутничают!

– Померанцев мне противен. Он за рубль удавится.

– Щедрость еще не достоинство, а прижимистость – не порок. Банкиры, они по большей части люди экономные, потому как понимают цену деньгам. В отличие от сопливых барышень!

О том, чтобы выйти замуж против воли отца, и речи быть не могло.

– Если мне жених не по нраву будет, и в мыслях не держи! – строго предупредил дочку Павел Анисимович.

– Папа тебе добра желает, – увещевала ее мать. – Заботится о твоём счастье. С лица воду не пить! Для жизни надёжный друг нужен.

– Это Померанцев-то – друг? – завопила Леда, чем вывела отца из себя.

– Принуждать я тебя не намерен, выходи за кого хочешь. Только знай – покинешь родительское гнездо голая и босая! Ни копейки не дам! Пусть твой красавец покажет, на что он способен. Посмотрим, сколько вы на любви-то протянете! Ты, голубушка, ни в чем отказу не знала, привыкла к дорогим вещам, вкусной еде, праздности, наконец. У тебя маникюр вон уйму денег стоит. Иди-ка картошки начисть на ужин с такими ногтищами! Или уборку устрой. Сразу вся любовь выветрится!

И Леда сникала, замолкала надолго, молясь по ночам луне на небесах, чтобы обошло ее стороной постылое замужество. От Померанцева удалось отбрыкаться, но впереди маячили новые, не менее отвратительные кандидаты в мужья. Как будто внешняя привлекательность исключала успешность в бизнесе. На самом деле отец намеренно окружил себя такими людьми – он считал, что красота мешает мужчине состояться как профессионалу, добытчику и хозяину жизни.

Скорее всего, именно внешность Влада Неверова послужила поводом для увольнения, а не его строптивый характер.

– В мужчине главное – ум, хватка, чутье, умение не просто поймать удачу, а еще и удержать ее в руках. Таких раз, два и обчелся. Я не могу оставить свое дело, созданный потом и кровью капитал мягкотелому хлюпику, легкомысленному красавчику! – твердил отец.

В последние годы он стал еще нетерпимее в вопросе замужества Леды – видимо, из-за болезни. Ему хотелось увидеть достойного преемника. Он давил, дочь сопротивлялась. Между ними нарастала обоюдная враждебность, временами ненависть. Смерть родителя должна была бы освободить Леду. Так она поначалу и восприняла кончину домашнего деспота... увы, поспешно.

В кабинете отца стоял на массивном столе с мраморной столешницей его портрет. Павел Анисимович, глядя на дочь, презрительно улыбался уголками губ.

«Ну? – словно говорил он. – Каково тебе без меня, Ледушка? Небось не этого ожидала?»

Он и после смерти глумился над ней.

Москва

Перед поездкой в Питер Астра решила поговорить с матерью Неверова. Друзей у него не было. По словам Леды, Влад так же щепетильно относился к их выбору, как и она. То есть в результате завышенных требований его круг общения ограничивался несколькими приятелями.

– У нас с Владом много общего, – отметила она. – Мы идеальная пара.

Астра ей поверила. Единственным источником информации могла стать только пожилая госпожа Неверова. Возможно, она что-нибудь подскажет.

Мать Влада встретила Астру радушно. Она попросила сиделку приготовить чай, а сама повела гостью в уютную комнатку, похожую на маленький домашний музей. Множество полок были уставлены старинными безделушками, а все стены увешаны семейными фотографиями, прелестными миниатюрами, пейзажами, написанными маслом и акварелью. Глаза Неверовой, увеличенные толстыми линзами очков, казались неестественно выпуклыми. Она была одета в брюки из мягкого вельвета и шерстяную кофту.

Астра назвалась представительницей фонда, который проводит конкурс на лучший финансовый проект среди молодых менеджеров крупных компаний.

– Господин Неверов входит в тройку претендентов на премию, – заявила она растерянной женщине. И, не давая той опомниться, продолжила: – Мне поручили написать очерк о вашем сыне в журнал фонда.

– Владик... ничего не говорил о... конкурсе...

– Это понятно. Зачем раньше времени нагнетать страсти? Вот займет первое место, тогда и объявит всем!

– Да... наверное...

Пожилая дама совершенно смешалась.

– Могу я поговорить с Владом? – спросила Астра. – Я ему звонила несколько раз, он не берет трубку. Возможно, сменил номер сотового, а дело не терпит отлагательств.

– Но... его нет. Он в отъезде. Его послали в служебную командировку. Разве вы не знаете?

– Первый раз слышу. Ай-яй-яй! – всплеснула руками «представительница фонда». – Как же быть? Мне срочно нужно подать материал.

– Владик... в Петербурге.

– Как с ним связаться?

Госпожа Неверова покачала головой. Ее волосы были ровно подстрижены и забраны большим полукруглым гребнем. Она больше походила на бабушку Влада, чем на его мать. «Поздний ребенок!» – вспомнила Астра.

– Понятия не имею.

– Вы ему не звоните? – удивилась гостья.

Сиделка, упитанная женщина средних лет, принесла из кухни чай, печенье и нарезанный лимон.

– Он всегда сам связывается с нами, – ответила она вместо Неверовой. Та только согласно закивала. – Его не застанешь! То тут, то там... Постоянные разъезды вынуждают Владислава Кирилловича нанимать человека, чтобы не оставлять маму одну. Он полностью доверяет мне. Я и по дому все сделаю, и врача вызову в случае надобности. В общем, он может спокойно работать.

– Вы на фирме спросите, как его отыскать, – простодушно посоветовала Неверова.

– Да, конечно... обязательно. – Астра состроила огорченную мину. – Какая жалость! Очерк был бы весьма кстати. Покажите мне хотя бы его комнату, расскажите, чем он увлекается. У него есть хобби?

– Пойдемте, – охотно предложила хозяйка. – Я покажу вам его кабинет. У нас отличная квартира: три больших комнаты, кухня и балкон. Прошу вас!

Кабинет молодого человека поражал строгостью линий, со вкусом подобранной мебелью, аккуратной отделкой. Письменный стол, компьютер, раскладной диван, два книжных шкафа и телевизор – никаких излишеств. Особой роскошью жилище Неверовых не блистало, но денег на ремонт и обстановку Влад явно не жалел.

Астра жадно взирала на компьютер, но нечего было и думать включить его – какой предлог она найдет для этого? Пришлось довольствоваться чисто внешним осмотром. Никаких выводов сделать не удалось.

– Спасибо... – пробормотала она. – Должно быть, у Влада есть близкий друг, который разделяет его интересы? Чем они занимают свой досуг?

– Владик... любит рыбалку. Сызмальства мастерил удочки, сачки разные... – робко произнесла Неверова. – Природу любит. – Ее, очевидно, тяготило присутствие в кабинете сына постороннего человека. – Идемте чай пить!

Они вернулись за стол, сиделка разлила по чашкам зеленый чай.

– Владислав Кириллович спортом увлекается, – вставила сиделка. – Тренажерный зал посещает. В соседнем доме клуб есть, «Богатырь» называется, туда и ходит. Как-то мышцу потянул... Я ему массаж делала.

– Да... массаж... – кивала Неверова. – У Ольги золотые руки. Она за неделю Владика на ноги поставила.

Про друзей молодого человека выяснить ничего не удалось. Похоже, в доме Неверовых гости бывали редко.

– Он скоро вернется? – спросила напоследок Астра. – Я успею до начала июня сдать в журнал материалы для очерка?

Женщины пожали плечами.

– Владик иногда и месяц отсутствует, и больше. Это от дел зависит.

– А когда он в последний раз звонил?

– Да уж недели две назад, – прикинула в уме сиделка. – Занят он.

– Чего зря звонить? – Неверова кинулась выгораживать сына. – Беспокоиться ему не о чем. Я с Оленькой как за каменной стеной.

От матери Влада Астра отправилась в мужской клуб «Богатырь». В элегантном холле ее встретил вежливый администратор.

– Знакомый порекомендовал моему мужу услуги вашего клуба, – тоном ревнивой супруги сказала Астра. – Мы можем ходить сюда вместе?

– К сожалению, мы обслуживаем только мужчин. У нас есть сауна, мини-бассейн, разные виды восточного массажа, тренажерный зал...

– Разрешите взглянуть?

– Только как исключение, – улыбнулся молодой человек. – А кто ваш знакомый? Мы поощряем клиентов, рекламирующих наше заведение.

– Господин Неверов.

– Да, действительно, он обрел у нас прекрасную форму. И теперь мы видим его гораздо реже. В жизни все взаимосвязано. Его физические данные улучшились, и карьера пошла в гору.

Администратор заливался соловьем, а «ревнивая жена» всю таращилась по сторонам. Молодой человек по-своему истолковал ее любопытство.

– Весь персонал у нас чисто мужской, – успокоил он подозрения дамы. – И массажисты тоже мужчины. Это не связано с нетрадиционной ориентацией. Просто таков наш подход к делу.

Он с гордостью показал госте зал, заполненный первоклассными тренажерами.

– Сейчас здесь пусто, но к вечеру посетителей будет много.

К ним подошел скучающий инструктор.

– Я могу вам чем-то помочь?

– Вы знаете Влада Неверова? – спросила Астра. – Это друг нашей семьи. Он хвалил занятия в клубе. Муж тоже решил попробовать.

– Влад заботится о своих мышцах, как и положено настоящему мужчине. Его фигура – предмет зависти и образец для подражания многих наших клиентов, – сдержанно усмехнулся инструктор. – К сожалению, он стал появляться в клубе по большим праздникам. Ссылается на загруженность в работе. Вероятно, так оно и есть.

– Когда вы видели его в последний раз?

Инструктор подбросил в руке теннисный мячик, поймал, еще раз подбросил.

– Станный вопрос, – пристально посмотрел он на Астру. – Какой-то милицкий. Вы часом не оттуда?

– Что вы! Мы с мужем тоже давно не видели Влада. Думали, встретим его здесь.

Ее неуклюжее оправдание не убедило инструктора. Но он вернул своему лицу вежливо-консервативное выражение.

– Неверов не приходил на тренировки уже... дай бог памяти... месяца два. Наверное, пока нет нужды. Или выбрал другой клуб. Хотя вряд ли, он живет поблизости, так что удобнее всего ходить именно к нам.

– У него здесь есть друзья? С кем-то он сошелся близко?

– Говорю же, милицкие вопросы, – пробормотал инструктор, подбрасывая мячик. – Ну, мне скрывать нечего. Нет, Влад ни с кем из персонала и посетителей клуба не сдружился. Так, держится по-приятельски, ровно, доброжелательно.

Астре ничего не оставалось, как поблагодарить и удалиться. В «Богатыре» она узнала не больше, чем у Неверовой и сиделки. Нелюдิมый этот Влад оказался какой-то обтекаемый, скользкий, не ухватишь. Даже комната у него безлика – никаких намеков на индивидуальность хозяина.

Глава 6

Два егеря, молодой и постарше, выпивали за благополучное возвращение из леса. На столе горела керосиновая лампа, в красном углу, у икон, теплилась лампадка. Ее давно не зажигали, и масло чадило.

– Ты, Ванька, помолись, – пригладил седеющую шевелюру тот, что постарше. – Нас сегодня Господь от верной гибели уберег.

Парень неумело, размахисто перекрестился. От страшных воспоминаний волосы зашевелились на голове. Может, и правда, Божья десница отвела смерть?

– До сих пор не верится, что мы живы, дядя Макар.

– Видно, не пора еще нам перед ангелами-то предстать. Ну, давай еще по рюмочке за чудесное спасение!

Закусывали водку солеными огурцами, вареной картошкой и копченым салом. Парень быстро захмелел.

– Не надо было их трогать, – вымолвил он непослушным языком. – Они же... дичь не стреляли. Так... развлекались... костер жгли.

– Знаю я этих... искателей. Они не зверя промышляют, а оружие. В здешних местах его полно: с войны осталось. Копни, и наткнешься на снаряд какой-нибудь или пулемет. Немцы с нашими тут жестоко сражались. И партизаны в лесах были.

– Мы с братом пытались в лесу партизанский склад с оружием найти, – признался Иван. – Да где там? Копали всюду, умаялись, а ничего, кроме проржавелой немецкой каски, не попалось. До сих пор у нас в сарае валяется.

– Надо иметь карту с отметками, где шли бои. В последнее время городских много сюда ездить повадилось, с приборами специальными, с металлоискателями. Под видом, что ищут-де погибших солдат, накапливают оружия, почистят, смажут и пускают в ход. В нас-то, думаешь, из чего палили?

Ванька от страха ничего не видел, только слышал звуки выстрелов и краем глаза заметил, как пули срезают ветки деревьев и с треском отлетают от стволов щепки. Еле они с дядькой Макаром ноги унесли.

– Из автомата-а? – не веря, протянул парень.

– То-то что не из ружья. Целую очередь выпустили. Пьяные они были, хулиганье городское! – Старший егерь приправил свои слова длинным ругательством. – Или обкуренные. Могли запросто убить нас да и закопать поглубже между елок. И никто бы не нашел!

Пьяный румянец схлынул с Ванькиного лица, на носу и щеках ярко проступили веснушки.

– Испугал ты их, дядя Макар! Они небось подумали, кабан через кусты ломится или медведь. Вот и начали палить без разбору.

Егерь с сочувствием посмотрел на молодого напарника. Зря мог жизни лишиться парнишка. Жалко. Это его вина, опытного, закаленного годами опасной работы мужика.

– Забыл я об осторожности, браток, прости. Знал ведь, что от этих пришлых молодчиков любой пакости ожидать можно. Хотел врасплох застать, думал, зверя какого подстрелили, жарить собираются. Напугал, конечно. А они возьми и дай по зарослям из автомата! В рубашке ты родился. Давай еще по одной?

Старший егерь пьянел медленно. Успевал думать думать. Там, где шли кровавые бои, осталось без счета павших воинов – наших, немецких, – и каким-то образом хранили эти места предсмертные чувства и переживания тех людей, их последнее отчаяние и боль. Последний страх... Их ненависть друг к другу, злой судьбе, ужас перед надвигающейся тьмой небытия.

– Или не тьмой вовсе... – пробормотал он.

– Что ты говоришь, дядя Макар?

– Много трупов в земле – плохо. Где шла схватка не на жизнь, а на смерть, на психику давит что-то! Человек должен умирать от старости, мирно, в своей постели, в окружении плачущих детей и внуков, видя в них свое продолжение. А где его зверски убивали, где рвали на куски его плоть, где все пропитано его молодой кровью... там плохо. Понимаешь? Там и с живыми начинает твориться неладное. Я давно заметил – лучше те места стороной обходить. Думаешь, чего эти «искатели» взбесились и начали из автомата палить? Неспроста они так стухнули, ох, неспроста...

– Неужели ты веришь в привидения? – недоверчиво спросил Ванька.

Сам он хоть и не считал себя трусом, но кладбищ не любил и старался без необходимости там не бывать. А тут, получается, ходишь по лесу, и под ногами – сплошь братские могилы, в которых смерть примирила бывших заклятых врагов. Примирила ли?

Хмель развязал парню язык.

– Слышь, дядя Макар... а может, они, того... до сих пор между собой дерутся? Воюют то есть? – запинаясь, вымолвил он. – Наши с немцами!

– Может, и так. В старину люди говаривали, что, пока не похоронен с честью последний солдат, война не окончена. А здесь погибшие на поле брани так и лежат, где кого лютая смерть застала. Не по-божески это.

– Раз не по-божески, значит, дьявол балует, – с несвойственной ему серьезностью рассудил молодой егерь. – Народ на лихое дело подбивает. Потому они и хватаются за оружие, звереют, а отчего, не ведают.

– Слухи ходят, будто бы здешние места облюбовал бог войны. То ли славянский, то ли германский. Видали его!

– Кто?

– Рыбаки, – понизил голос Макар. – Они на болотном озере рыбу ловили, а тут глядь – лодка без весел, плывет себе, а в ней *Он* и стоит: черный, страшный, будто монах.

– Почему м-монах?

– Ну... в рясе, в колпаке. Они присмотрелись, а колпак-то все лицо закрывает, только прорези для глаз. И оттуда молнии вылетают! – старший егерь перешел на шепот. – Тогда они и догадались, что встретился им сам грозный бог войны.

– Прямо молнии! – недоверчиво усмехнулся Ванька. – Небось пьяные были те рыбаки. После трех стаканов и не такое померещится.

– Не без этого. У страха глаза велики. Да и выпили рыбаки немало. А кто из нашенских не пьет? Вот и мы с тобой не чаи гоняем.

От таких речей парень аж протрезвел.

– Откуда здешним рыбакам про бога войны известно? – спросил он. – Тем более германского. Они сроду книжек не читали. И образование у них восемь классов от силы.

– Сейчас в каждой избе, где есть электричество, телек имеется, – возразил Макар. – А сколько сюда городских ездить повадилось! То там палатка, то тут... Рыбу ловят на наших речках, дичь стреляют. Оружие откапывают, вещи разные с мертвецов снимают. Кто по заброшенным обителям взялся бродить, грехи замаливать. Будто в городах храмов нету! И общаются приезжие, между прочим, с местными аборигенами, всякую всячину им рассказывают.

Ванька взъерошил свой чуб, крикнул.

– Вон какие дела творятся... – пробормотал он. – Бог войны, значит... Или сам сатана? Тьфу, тьфу! – суеверно сплюнул он, перекрестился на иконы. – Может, поэтому и нас нечистый попутал?

Старший егерь поднял вверх заскорузлый палец, погрозил:

– Ты молчи, сынок! Молчи. Не надо было нам тех проклятых денег брать, да что сделано, то сделано. Лишь бы остальные охотнички рты не открывали. Не должны, по идее, все мы

одной веревочкой повязаны. Я бы нипочем закон не нарушил, но бедность одолела. Домик наш подправить бы не мешало, крыша-то протекает в сильные дожди! Лыжи новые купить пора. От нужды против совести поступил.

– Я понимаю... – смутился парень.

– Ничего ты не понимаешь, – обиделся Макар. – Думаешь, я себя не казню за ту охоту? Добром она не кончилась. Мне те трое ночами снятся... особенно тот... – Он споткнулся на полуслове, приложил палец к губам. – Тс-с-с... больше ни звука. Не было ничего! Не было. И баста!

– Не было, – эхом отозвался Ванька.

– Давай еще по одной.

Он разлил по стаканам оставшуюся водку, выпил одним глотком. Лампадка под образами чадила, чадила, пока не погасла.

– Дурная примета, – выдохнул старший егерь, опуская голову на руки. – К худу, к беде...

* * *

В Санкт-Петербург Астра и Матвей поехали на машине.

Новенький «Фольксваген Пассат» резво катил по влажному от утренней росы шоссе. Сочные, яркие краски мая радовали глаз. Все цвело, благоухало, сияло, дышало свежестью. На обочинах стояли лужи от ночного дождя.

– Куда, по-твоему, делся Влад Неверов? – спросила Астра, когда они остановились перекусить в маленьком придорожном кафе.

– М-м-м... – глубокомысленно хмыкнул Карелин, изучая меню. – Да куда угодно! Мог сбежать, прихватив с собой крупную сумму из сейфа компании. Мог накрутить с финансами, запутать счета и скрыться, опасаясь расплаты. Мог обмануть соучастников, и те объявили на него охоту. Мог стать жертвой криминальных разборок: случайно угодить «под раздачу». Мог в аварию попасть, в конце концов...

– Я не уверена, что Куприянова была со мной абсолютно искренна.

– Зачем же взялась помогать ей?

– Понимаешь, ее проблема чем-то напомнила мне мои собственные переживания. У меня тоже был жених, который работал ведущим менеджером у моего отца, ухаживал за мной, клялся в любви до гроба. А потом выяснилось, что он крутит роман с моей лучшей подругой! У меня под носом!

– При чем тут твоя история? Нельзя личное смешивать с профессиональным, – назидательно произнес Матвей. – Впрочем, ты же сыщик-любитель. Значит, можешь играть без правил.

– Вот именно. Знаешь, этот Неверов похож на секретного агента. Никого близко не подпускает, ни с кем не откровенничает, не имеет никакого хобби. Кстати, у него отец эмигрировал в США. Может, сына завербовали и он действует заодно с папашей? Экономический шпионаж, например. «Куприянов и партнеры» вполне может представлять интерес для иностранных разведок.

Карелин молча поднял брови и невозмутимо осведомился:

– Тебе что заказывать? Суп харчо или борщ?

– Харчо с бараниной?

Он подозвал официантку и уточнил, какое мясо положили в суп.

– Телятину, – вяло буркнула девушка. – Нести?

Они сделали заказ, и Астра, постукивая от нетерпения носком туфли по полу, вернулась к волнующей теме:

– Ты не веришь в версию с разведкой?

– Не смейся! Джеймс Бонд московского разлива – это слишком.

Его скептическая реплика не смутила Астру. Она достала из сумочки фото и протянула Матвею.

– Посмотри, как он выглядит. Мне Леда дала. Хорош? Чем не Бонд?

– Ну... ничего парень, – снисходительно кивнул Карелин. – Спортивного телосложения, лицо как с рекламы геля для бритья. Похож на альфонса, жиголо или... брачного афериста.

– А по-моему, красивый молодой человек. Почему сразу жиголо, аферист?

Официантка принесла харчо, салат и картофель с тефтелями.

– Вкусно! – удивился Матвей, принявшись за еду.

Астра последовала его примеру, но отложила ложку. Тревожные мысли не давали ей покоя.

– С чего мы начнем поиски? – спросила она. – С офиса? Или с автомобиля? Неверов поехал в Питер на джипе. Машина большая. Где-то же она находится?

Матвей не разделял ее энтузиазма.

– Если в каком-нибудь гараже – гиблое дело, – скривился он. – И вообще, с чего ты взяла, что Неверов еще в Санкт-Петербурге? Может, его давно и след простыл.

Астра насупилась. Ее надежды на скорую развязку таяли, как дым.

– Зато погуляем по Летнему саду, – понуро пробормотала она.

– Ешь суп, остынет. И поторопись, нам еще ехать и ехать.

После еды Астру разморило, она задремала. Просыпаясь, она взглядывала в окно. Не потянулись ли вдоль дороги окраины великого города?

Петербург встретил ветром, рваными облаками, мокрыми от мороси каменными лабиринтами улиц. Сумерки?

– Наверное, так выглядел Рим в ненастную погоду, – проснувшись, заявила Астра.

– Рим – в Италии. Там другие краски – синева, золото, розоватый блеск мраморов. А здесь – «достоевщина»! Сырость, гнилой туман, гранит и грязная вода в каналах.

– Ты не любишь Питер?

– Я не люблю пустую трату времени. Где мы остановимся, кстати?

Компания «Юстина», которую возглавлял отец Астры, тоже имела свое представительство в городе на Неве. И небольшую служебную квартиру рядом – на случай длительного пребывания московских сотрудников в Северной столице. В данный момент квартира пустовала, и господин Ельцов дал дочери ключи.

– Так мы не в гостиницу? – обрадовался Матвей. – Не терплю гостиниц. Что же ты сразу не сказала?

– Ты не спрашивал.

Его настроение улучшилось. Особенно когда он увидел «казенные апартаменты» – две тщательно прибранные комнаты, уютную кухню и комфортабельный санузел. Хорошая мебель, плитка, паркет, холодильник, телевизор, микроволновка. В шкафу – стопки чистого белья, полотенца; в баре – выпивка на выбор.

– Ого! Твой родитель заботится о своих кадрах.

– В любом бизнесе все от людей зависит. Специалистов нужно ценить и уважать, – подражая интонациям и голосу отца, произнесла Астра.

– Мудро.

– Пожалуй, ты иди в душ, а я продукты разложу.

Как Матвей ни сопротивлялся, Астра захватила с собой целый пакет еды: сыр, ветчину, яйца, овощи, фрукты, сладости, булочки. Она не забыла даже о минеральной воде.

– Там что, магазинов нет? – ворчал он.

– А вдруг у нас не будет времени заскочить в гастроном?

Ее предусмотрительность себя оправдала.

Когда Карелин вышел из ванной, по квартире витал аромат кофе, на сковороде жарилась яичница, а на столе стояла тарелка с приготовленными Астрой бутербродами.

Он подошел и с признательностью прикоснулся губами к ее щеке.

– Выпьем вина?

Они ужинали, как влюбленные. Но спать легли в разных комнатах: она – в спальне, он – в гостиной на диване.

– Что за черт? – корил себя за нерешительность Матвей, ворочаясь без сна. – Неужели я ее побаиваюсь?

До него доносилось тихое дыхание Астры, тиканье настенных часов и завывание ветра за приоткрытой створкой окна. Проклиная себя за непорядочность, однако не в силах совладать с болезненным любопытством, Матвей бесшумно встал, на цыпочках подкрался к ее дорожной сумке и заглянул внутрь. Так и есть! *Зеркало* Астра рискнула взять с собой. Бережно завернутое в кусок бархата, оно лежало между вещами. Тут же находился и сухой корешок – *Альраун*.

– Чертовщина... – прошептал молодой человек, вздыхая.

Глава 7

Новгородская область. Заброшенная деревня Камка

«Монашка» уже больше десяти лет жила в старой избе на краю пустой деревни. Собственно, несколько домов-развалюх, брошенных хозяевами, и деревней-то назвать нельзя. Раньше здесь была деревянная церковка – сгорела. Узкоколейку, соединявшую Камку с другими населенными пунктами, разобрали на металлолом. Горстка жителей перебралась в соседнюю Шубинку. Остались две пожилых сестры-праведницы, которые нипочем не соглашались покидать свою «обитель», как нарекли они домик, где до пожара проживали дьякон и молодая послушница Филофея.

Эта крошечная религиозная община объединяла людей, добровольно давших обет вести жизнь аскетическую, посвященную служению Господу и обездоленным чадам его. Дабы обрести высшей милостью покой, как земной, так и небесный.

Сестры Василиса и Улита обращены были в «истинную веру» старцем Авксентием, поведовавшим пустынножительство, отрешение от любых благ для себя и заботу о ближних, нуждающихся в утешении. Потом к ним прибилась Филофея, странствующая в поисках обретения духовной чистоты и райской благодати. Бескорыстную помощь старцу и сестрам она сочла послушанием, назначенным ей свыше, которое искупит все ее грехи, вольные и невольные.

Живя в миру, Филофея не отличалась особой набожностью, но постоянно испытывала странную, неодолимую тягу к монашеству, святым образам, молитвам, гулкой тишине соборов, лампадам, суровой простоте келий, ладанному дыму и прочим непонятным порой для нее вещам. От слов *стихарь*, *клирос*, *епитрахиль*, *рипида*, *амвон*, *епитимья*, *схима* и прочих таких же непривычных для ушей и уст обычного человека у нее мурашки шли по коже, а сердце сладко и грустно сжималось.

Не раз, не два подумывала она о том, чтобы уйти в монастырь, говорила о своем желании родителям, но не получала поддержки. Мать и отец решительно противились, даже обвиняли ее в неблагодарности и эгоизме. Из любви к ним Филофея, которая от рождения носила имя Таисия, медлила, откладывала со дня на день желанный шаг.

– Пойми, девочка, что ты заживо похоронишь себя, – сокрушалась мать. – Откажешься от всех радостей жизни, от женского счастья, наконец. Любовь, брак и дети станут для тебя невозможными! Ты еще слишком молода, чтобы оценить все то, чего лишишься, приняв постриг. Что ты видела? Детство, школьную скамью, учебники, контрольные... Скоро выпускной бал, поступление в институт. Перед тобой раскроются все двери. У тебя все только начинается! Ты целовалась хотя бы с одним мальчиком?

– Нет, – опускала глаза Таисия. – Мне нельзя. Я должна готовить себя к иной стезе.

Она старалась во всем угождать матери и особенно отцу. Он был единственным мужчиной, которому она дарила любовь. Дочерняя преданность Таисии не знала границ, и когда понадобилась жертва, девушка принесла ее, не задумываясь. Родителей не выбирают, их следует почитать таких, каких дал Бог. А на ее мать и отца грех было жаловаться. Таисия сумела избавить их от незаслуженных страданий.

О замужестве она не помышляла и с самого детства знала, что «чаша сия минует ее». Правильно говорят мудрые люди: «Не зарекайся!»

Посещая одну за другой действующие обители, Таисия убедилась, что кое в чем родители правы. Монастырское житье-бытье пришлось ей не по вкусу. Много там обнаружилось такого,

что оттолкнуло юную праведницу; во многом чувствовались нарочитость и фальшь. Она подумывала о каком-то своем, подвижническом пути и даже временами об отшельничестве.

Одержимость этими идеями, абсолютно не свойственная ни образу жизни ее семьи, ни среде, в которой она вращалась, ни принципам, принятым у окружающих, вызывала у родителей сомнения в здравости ее рассудка.

Отец предлагал обратиться к помощи медицины и как-то привез домой светило психиатрии. Доктор закрылся с девушкой в отдельной комнате, битый час пытался обнаружить в ее поведении и речах признаки душевной болезни и вынужден был развести руками.

– Ваша дочь э-э... весьма... эксцентричная особа, – сказал он матери и отцу, в лихорадочном беспокойстве ожидавшим вердикта. – Но она, несомненно, здорова. Ее внутреннему равновесию можно позавидовать. Ее идеи, взгляды и рассуждения э-э... довольно своеобразны. Однако это скорее относится к особенностям ее натуры, нежели к патологическим отклонениям. Лекарства ей не нужны!

Доктор, которого Таисия до сих пор вспоминала с благодарностью, реабилитировал ее мировоззрение. А то она уж сама испугалась, что с ней не все в порядке.

Родителям все-таки пришлось отпустить ее, не в монастырь, разумеется, – потому как девушка еще не определилась в выборе формы и способа богоугодного служения, – а в странствия по белу свету. На поиски истины и гармонии.

– Это причуда современной молодежи, – сетовала мать. – Всем-то они недовольны, всюду видят изъяны и пороки. Отсюда и пьянство, и повальное увлечение наркотиками, и секты разные. Недаром Ленин считал религию опиумом для народа!

– Вторая волна, – поддакивал ей отец. – Новые хиппи. Что ж, этим надо переболеть. Это пройдет.

Так или иначе, после окончания школы Таисия покинула родное гнездо. Она надеялась, ее уход всем принесет облегчение.

– Обещай мне, что не станешь монахиней до тех пор, пока мирские соблазны не потеряют для тебя окончательно и бесповоротно всю свою привлекательность! – потребовал отец. – Пока не будешь уверена, что стены монастырской кельи тебе милее всего на свете.

И она, как любящая дочь, поклялась ему в этом. Может, благодаря данному обещанию она не затворилась в какой-нибудь обители, а, прослышав о старце Авксентии, отыскала его, исповедалась, испросила милости остаться и помогать ему исцелять больных.

Пустынник сначала долго изучал ее проницательным и одновременно смиренным взглядом, а после, удовлетворившись увиденным и горячей исповедью, позволил девушке остаться и поселиться в его избе.

– Не я исцеляю, а Господь, – изрек он. – Ему помощь не нужна. Но страждущие нуждаются в заботе и милосердии. А я уже слишком стар, не всегда могу печь растопить, воды нагреть, в горнице прибраться.

Он лукавил. Сестры Василиса и Улита превосходно управлялись с нехитрым хозяйством. Но молодая странница пришлась ему по душе. Его служение скоро закончится, сестры тоже в преклонном возрасте. Кому он передаст свой опыт и мудрость? Опустеет Камка, канет в небытие.

Еще одно обстоятельство лишало покоя преподобного Авксентия: не все он завершил, не все предназначенное исполнил.

– Как тебя зовут, дитя? – ласково спросил он странницу.

– Филофея...

– Это имя тебе не родители дали.

– Я сама его взяла!

Долго молчал старец, закрыв глаза и погрузившись в себя. «Не уснул ли?» – подумала Таисия.

– Слыхивал я о монахине Филофее, – сказал вдруг Авксентий. – Была такая в Дамиановой пустыни.

И все. Как в рот воды набрал.

С того времени немало воды утекло. Старца Господь призвал к себе три года назад. Женщины осиротели. Боязно стало им жить в Камке, тревожно. Сестра Василиса прошлой зимой тяжело захворала, Улита с молодой послушницей ходили за ней, молились, просили у Всевышнего выздоровления. Василиса выжила, но стала очень слабой, страдала одышкой и кашлем.

В Камку перестали ездить больные. Их и раньше было немного – бездорожье и болота делали путь в заброшенную деревню слишком трудным. Единицы отваживались пускаться в рискованное путешествие. Местные жители знали о чудотворной иконе, оставшейся после старца, верили в ее целительную силу и, кто мог, добирались до Камки пешком. Но и эти появлялись все реже. Без Авксентия жизнь в деревне угасала.

Последний год принес неожиданное оживление: в Камку заглядывали то охотники, то городские искатели приключений, то «черные археологи», которые копали на местах бывших сражений. Они заглядывались на сестру Филофею, предлагали кто дров нарубить, кто избенку починить, кто продуктов привезти.

Красивые, сильные мужчины смущали послушницу своим вниманием. Особенно один...

Санкт-Петербург

В представительстве компании «Куприянов и партнеры» Астру встретили не приветливо. Хмурый администратор неохотно пригласил ее за свой стол.

– Я ищу Влада Неверова, – сказала она, улыбаясь. – Мы с ним давно знакомы. Он обещал проконсультировать меня по некоторым вопросам.

– Позвоните ему.

– Я звонила. Он, наверное, сменил номер сотового.

– К сожалению, не могу вам помочь, – кисло произнес молодой человек. – Влад был у нас недели две назад. Потом уехал отдыхать.

– Так он на отдыхе?

Администратор пожал плечами.

– Не знаю. Наверное. Он мне не докладывает. По сути, господин Неверов – правая рука хозяев, и задавать ему лишние вопросы не в моей компетенции.

– Ясно. Но он мне так нужен! – Астра сложила руки в умоляющем жесте. – Как с ним связаться?

– Только по телефону. Хотя, постойте, он скорее всего вернулся в Москву. Не думаю, чтобы его отдых затянулся на две недели. Позвоните ему туда, на рабочий номер.

– Я уже звонила. Там ответили, что Влад еще в Питере.

Администратор потер затылок:

– Странно. Подождите секундочку...

Он куда-то позвонил и вызвал девушку по имени Евгения. Она была одета в стильный костюм-тройку и туфли без каблуков. Таких высоких и худых блондинок Астре еще видеть не доводилось.

– Женя, – обратился к ней администратор. – Ты помогала Неверову разбираться с документацией, вы вместе просматривали файлы. Он не говорил, где собирается отдохнуть?

– Случайно обмолвился. А что?

– Да вот тут его разыскивает старая знакомая.

– Влад назначил мне встречу, – подтвердила Астра. – Я пришла, а его нет. Неужели забыл? Такая досада. И на звонки не отвечает.

– Не хочет, чтобы его беспокоили, – тряхнула роскошными волосами Женя. – Если мобильник не отключишь, отдохнуть не удастся. По себе знаю.

– Куда он поехал?

Блондинка замялась, отвела глаза:

– Я заметила, как Владислав Кириллович искал в Интернете информацию о Старой Руссе, а после спрашивал по телефону о минеральных источниках. Там и озера есть, и санаторий, и грязелечебница, кажется. И дивный монастырь двенадцатого века.

– Спасибо вам огромное! – расцвела Астра.

– Только вы меня не выдавайте, – смешалась Евгения. – Вдруг он рассердится?

– Не рассердится, – заверила ее «старая знакомая» господина Неверова. – Но я буду молчать о вас. Скажу, что приехала пить воду. Совершенно случайно!

Администратор, провожая, галантно распахнул перед Астрой входную дверь, и она сбегала по ступенькам к изнывающему от скуки Карелину. Тот поспешил взять ее под руку.

– Ну как?

– Влад поехал отдыхать в Старую Руссу! – выпалила она. – Надо искать его там.

– О-о! Теперь нам придется тащиться туда?

– Не сразу. Сначала погуляем в Летнем саду.

Они пошли к машине.

- Мне надо купить карту, – заявил Матвей. – Где эта Старая Русса?
– Понятия не имею.

* * *

Летний сад, обрамленный чугунным кружевом ограды, манил под сень раскидистых лип и кленов. Ветер приносил с Невы запах воды и мокрого камня, поднимал рябь на поверхности пруда. В пруду отражались деревья, по опрокинутому пейзажу плавали утки. Голуби садились чуть ли не на плечи прохожих. Астра бросала голубям кусочки булки, наслаждаясь прогулкой.

– Посмотри, что за прелесть!

Бледное северное солнце розовыми и зеленоватыми бликами ложилось на мраморные скульптуры, белеющие вдоль аллей.

В груди у Матвея заныло. Хотя он ни разу не бывал в Летнем саду, но сердце отзывалось ностальгической болью при взгляде на эти аллеи, клены и мраморные статуи. Где-то здесь неподалеку домик Петра, «капитана бомбардирской роты». Летний дворец, выстроенный позже для жены Екатерины...

Снова в нем проснулся Брюс – соратник великого царя-реформатора, блестящий вельможа, храбрый фельдмаршал, колдун, алхимик и чернокнижник. Таинственная, загадочная личность.

Снова будто наяву видел он, как быстрой рукой правит царь план Летнего сада, выполненный для него голландским садовником. Как заказывает статуи и бюсты итальянским мастерам-венетцам. Как тщательно следит за каждой мелочью в обустройстве парка «на европейский манер».

«Хочу иметь резиденцию лучше, чем у французского короля в Версале! – раздувая ноздри, горячо говорит Петр. – Здесь, на берегах Невы, у выхода в Балтийское море!»

Карелин провел рукой по лицу, стряхивая наваждение. *Опять!*

– Ой! – воскликнула вдруг Астра, возвращая его в сегодняшний день. – Что это?

Она потащила его к скульптурной группе – прекрасные юноша и девушка: он лежит раскинувшись, она наклоняется к нему, вглядываясь в безупречно красивое лицо.

– Амур и Психея! – догадался Матвей, хотя раньше мало интересовался греческими мифами. Название само собой пришло ему на ум.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, и все. Скажи лучше, почему ты привела меня именно в Летний сад?

– *Зеркало* подсказало.

Астра ответила чистую правду. Накануне поездки она достала *зеркало* и долго, до боли вглядывалась в его золотистую глубину с немой просьбой о помощи. Мысль о Летнем саде мелькнула невзначай, легкой тенью. Но Астра уже научилась улавливать эти мимолетные вспышки прозрения. Теперь она готова была поклясться, что именно «Амур и Психея» показали ей в *зеркале*, но на столь краткий миг, что она ничего не успела сообразить.

Матвей скептически выслушал ее взволнованные объяснения.

– По-моему, ты притягиваешь за уши эти «подсказки», – заключил он. – Каким образом скульптура может навести нас на след Неверова?

Он был прав, но Астра не могла согласиться с его доводами. Она ходила около Амура и Психеи, пытаясь проникнуть в иносказательный смысл мраморного изваяния.

Матвей посмеивался, подтрунивал над ее стараниями. Ей не хотелось сдаваться, и она заявила:

– Я пока не понимаю, в чем тут суть. Но со временем все встанет на свои места. Пойду куплю буклет о Летнем саде! Может, там есть описание скульптур?

Они отыскиали буклет в одном из павильонов, и Астра сразу принялась читать.

Оказывается, Психея блистала столь дивной красотой, что вызвала зависть самой Венеры. Коварная богиня подслала к девушке Амура и велела отомстить сопернице. Но юный бог воспылил страстью к Психее, тайно перенес ее к себе во дворец и посещал только по ночам, в кромешной тьме, чтобы она не увидела его лица.

Психея, подстрекаемая сестрами-завистницами, нарушила запрет. Дождавшись, когда возлюбленный уснет, зажгла ночник, поднесла к ложу и... замерла от восхищения: ее загадочный супруг был ослепительно прекрасен. В то же мгновение капля раскаленного масла из светильника упала на Амура, тот проснулся, пришел в страшный гнев и покинул Психею...

– И что это означает? – вздохнул Карелин. – Кто в нашей истории Психея? Леда Куприянова? Тогда Амур – господин Неверов. Он красавчик, надо признать, но лица своего не прятал. Наоборот! Вовсю соблазнял состоятельную барышню.

– Зато что-то другое скрывал.

– Думаешь, он мертв?

– Надеюсь, что нет. Ладно, пора домой. В Летнем саду больше делать нечего, я чувствую. Уже в машине Матвей спросил:

– Ты серьезно восприняла эту чушь про Амура и Психею? Смешно, ей-богу.

Однако Астри не разделяла его иронии. Возможно, Леда узнала о своем женихе что-то такое, чего он ей не хотел говорить. Тот рассердился и ушел. А невеста, раскаявшись, пустилась на поиски возлюбленного.

– Допустим, – кивнул Карелин. – В таком случае Леда не сказала тебе всей правды. Она поступила нечестно.

– Рано судить об этом.

Матвей не стал спорить. Он подъехал к книжному магазину, приобрел карту автомобильных дорог и молча прикинул, сколько времени займет путь до Старой Руссы. Астри ведь не отстанет, если что решила, ее не собьешь.

Оказалось, городок расположен неблизко. Часов шесть ехать, и то если хорошо знаешь дорогу.

Глава 8

Новгородская область. Заброшенная деревня Камка

Каждое утро Филофея вытаскивала из колодца несколько ведер воды – на приготовление пищи, на стирку, для бани, выливала в две большие фляги, установленные на тачке, и везла к избе сестер Василисы и Улиты. Те топили здоровенную русскую печь, варили в чугунках постные щи, картошку. После еды полагалось молиться, читать духовные книги. Сестры без очков не видели и просили читать вслух молодую послушницу.

Электричество в Камке давным-давно отрезали, газа здесь отродясь не бывало. Женщины грели воду и мылись все вместе в покосившейся баньке, стирали тут же, в корыте. Зачастую без мыла, по старинке – золой. При старце Авксентии нужды ни в продуктах, ни в одежде не было: снабжали богомольцы и пришедшие за исцелением больные и их родственники. После кончины преподобного и без того скудное бытие затворниц стало нищенским.

Дав обет «питаться чем Бог пошлет», женщины не роптали, стойко сносили тяготы и скорби земные. Держали курочек, козу, возились в огороде не покладая рук. Собирали в лесу грибы, ягоды. Осенью на болотах наливались спелым соком клюква, морошка.

Такая аскетическая, полная черного труда жизнь Филофею только радовала. Некогда предаваться пустым мечтам, некогда грустить, скучать, думать о мирском. Она жаждала ощутить в сердце сияние святости, изнуряя тело постом, молитвами и работой. Но свет сей никак не загорался...

Преподобный Авксентий иногда утешал Филофею, страдал грехом гордыни. Ибо стремление к святости не что иное, как мания величия.

После таких слов молодая помощница убегала на чердак или в сарай и лила горькие слезы. Далеко ей до ангельской чистоты! Далеко до бескорыстной самоотверженности! Ведь она будто награду себе вымаливает у Бога, будто поощрения ждет. А это хуже, чем уподобиться обычному человеку, живущему в свое удовольствие.

– Господь испытывает нас, – говорила Василиса. – Мы ошибаемся, спотыкаемся и падаем на уготованном нам тернистом пути. Он же многотерпелив и многомилостив. Он простит тебя, дитя.

Временами Филофее казалось, что она вытравила из себя все плотские желания, чувства, мысли. Но никто не мог подсказать ей, достаточно ли этого. Она прислушивалась к своей душе, пытаясь уловить божественный свет... Увы, ничего *такого* не происходило.

Филофея мучилась, раскаивалась, терзалась сомнениями, и этот внутренний надлом, жестокая борьба с собственной гордыней лучше всего показывали, что *прорыв* не состоялся. Что еще она должна сделать?

В самые невыносимые дни послушница, если позволяла погода, отправлялась в Дамианову пустынь. Каждый камень разрушающейся обители, каждая былинка на монастырском дворе были ей смутно знакомы. Девять лет назад сестра Василиса показала ей дорогу через болота.

Филофея, затаив дыхание, стояла в соборной церкви, и на облупившихся стенах *проступали* некогда бывшие здесь фрески – фигуры Богоматери и святых в длинных складчатых одеяниях, Николай Чудотворец, Варвара-великомученица... Через пустые окна купольного барабана вливалось солнце, золотило остатки иконостаса.

– Что с тобою? – испугалась Василиса. – Побледнела, как полотно.

– Покажи мне... кельи.

– Идем, – вздохнула сестра. – Там одни руины.

Ступив на порог тесной комнатки без потолка, девушка задыхнулась от нахлынувших слез, *угадывая*, где стояло твердое ложе, где висел образ Спасителя, где горела по вечерам лучина. Свечи считались роскошью, которую монахини позволяли себе по светлым праздникам Рождества Христова, Пасхи, Троицы. Здесь, в этих некогда чисто выбеленных стенах, страдала и молилась юная инокиня Филофея, умирала сердечный жар и смуту в крови, прося у Бога избавить ее от искушений дьявольских.

Сюда под покровом темноты принесла она краски, кисти – дар молодого иконописца, расписывающего собор сценами из Святого Писания, – дабы запечатлеть являвшегося ей *Ангела*. Лучезарный образ как будто сам лег на свод стены, засиял нестерпимо, так, что Филофея зажмурилась и сомлела.

Ее житие, отягченное содеянным грехом, ибо наносить какие-либо изображения на стены кельи строжайше воспрещалось, превратилось в ежедневную, еженощную пытку. Один вопрос жег ее, раскаленным жалом терзал душу. Можно ли возлюбить *Ангела* плотскою любовью? Но никому не смела несчастная задать его.

Игуменья заметила неладное, подошла в трапезной, ласково спросила:

– Что тебя сушит, сестрица? Почему лицо твое блее полотна, а в глазах тоска? Исповедуйся... Любовь Господа простирается на чад его и укрепляет в испытаниях.

Филофея смолчала. Губы ее деревенели, язык не поворачивался признаться, *какие чувства охватывают ее при виде Ангела*. Такого ее уста вымолвить не могли. Молодая инокиня чахла, томилась сердечной мукой, пока тяжелая болезнь не сразила ее.

Тогда вошли в ее келью и увидели пресветлого Ангела, сияющего ярче солнца. Игуменья приказала сестрам замазать изображение мелом и никому о том не проговориться. Грозилась наложить тяжелую епитимью.

Монахини исполнили повеление, но наутро Ангел снова проступил сквозь слой побелки и засиял пуще прежнего. Сколько его ни замазывали, все оказалось бесполезно. Разрушать стену игуменья не решилась и только запретила Филофее покидать свою келью, а другим сестрам нарушать ее уединение.

Все эти картины пронеслись перед молодой послушницей как наяву. Девушка повернулась к Василисе, как бы пытаясь удостовериться, что она не спит и не видит чудесный сон.

– Ну что с тобой? – спросила та. – То бледнеешь, то краснеешь, как маков цвет.

– Расскажи мне о монахине Филофее! – пристала к ней девушка. – Раз я взяла ее имя, значит, нас что-то связывает.

– Да ты в уме ли? Подумаешь, имя! Многие сестры принимают одинаковые имена при поступлении в иночество. В каждой женской обители можно встретить Елену или Агафью. А нас никто не постригал, мы самовольно дали обет служения Господу нашему, – истово перекрестилась Василиса. – И ты послушание возложила на себя сама, и мирское имя поменяла на духовное. При чем тут Филофея, которая давно вознеслась на небеса?

– Что ты про нее знаешь?

Василиса сжала губы и осталась непреклонной.

– Читай Псалтырь, – сказала. – Житие святых изучай. Там найдешь ответы на все вопросы.

С того памятного момента не было дня, чтобы послушница не уносилась мыслями в заброшенный посреди болот монастырь, в келью с остатками каменного свода. Все казался ей на той стене *Ангел* в золотых одеждах, с легкими, как солнечный дым, кудрями, с ясным лицом и белоснежными крыльями за спиной. Все тянуло ее туда, где инокиня Филофея дареной кистью и запретными красками рисовала лик посланника Божия...

Зачем он к ней являлся? Какую весть приносил?

Украдкой ходить в Дамианову пустынь не получалось. В Камке, где только четверо жителей, – все на виду. У Авксентия был особо зоркий глаз, несмотря на плохое зрение. Он сердцем чувствовал, что вокруг происходит.

– Куда ты пропадаешь? – спросил как-то у молодой помощницы. – Чай, в пустынную обитель бегаешь? Не боязно одной-то? А ну как в болоте утопнешь?

– Я дорогу хорошо знаю. Не утону!

– Что тебя влечет туда?

– В храме помолиться хочу...

– Господь вездесущ, – мягко произнес старец. – Вся земля – его храм.

Новоявленная Филофея устыдилась. Негоже обманывать преподобного! Молилась она в храме – это так. Но на самом деле ее влекло к *Ангелу* на стене кельи. Пришлось признаться.

– Что ж, показался он тебе? – прищурился старец. – Не каждый его видит.

– Я видела! – горячо выдохнула девушка. – Видела! Золотой весь, с крыльями. Светится едва заметно... сквозь черную сырость, сквозь потеки.

Авксентий молча жевал губами. Размышлял. Как отвести девицу от пагубы? Пропадет ведь, как та юная монашенка.

– Плохой конец был у Филофеи, – наконец вымолвил он. – Страшный! Сказывают, утопла она.

– Как... утопла?

– Умом тронулась. Все ждала Ангела... слышала его зов. Как ей удалось сбежать из кельи, точно неизвестно. Хватились сестры утром, а ее, горемычной, и след простыл. Искать стали. За сук поваленного дерева клочок рясы зацепился, оторвался... как раз близ топкого места. Тот год дождливый выдался, всюду вода стояла, болота сделались непроходимыми. Только безумный мог пуститься в дорогу через топи, не дожидаясь зимы. Сколько ни звали беглянку, она не откликнулась. Кроме обрывка рясы, монахини ничего не обнаружили. Молились сначала за спасение «блаженной Филофеи», а потом уж, когда поняли, что не вернется она, за упокой ее души. Келью ту перекрасили, и постепенно страсти улеглись, ужасное событие стало забываться...

Старая Русса

Улицы провинциального городка утопали в садах. Расцветала сирень. В озерах отражалось синее небо, белые храмы.

– Останови у монастыря, – попросила Астра.

Она залюбовалась строением, которому почти восемь веков, – скупые, суровые формы, мощные стены, узкие окошки, тяжеловесная колокольня. Монастырский собор идеально вписывался в пейзаж – древние зодчие чувствовали гармонию пространства и не нарушали ее.

– Сходим в музей? – предложил Карелин.

– Потом. Сначала найдем Неверова.

– Куда ехать? В санаторий, в гостиницу? А если этот господин снял комнату или дом?

– У него машина, внедорожник. Где-то же он ее оставляет?

– Джип не иголка, – согласился Матвей. – Пожалуй, начнем с санатория.

Он свернул не в ту сторону. Пришлось спрашивать дорогу у двух симпатичных девушек, жующих резинку. Они подкрепляли объяснения выразительными жестами.

– Туда езжайте, потом налево...

В теплом воздухе запах цветущих деревьев смешивался с запахом соли.

– Соленое озеро, – сказала Астра, потягивая носом. – Здесь отдыхали знаменитости, между прочим.

В санатории женщина-регистратор отрицательно покачала головой.

– Нет, господин Неверов у нас не проживает. И не проживал.

– Это мой друг. Мы договорились встретиться, – вступил в разговор Матвей. – Я специально приехал из Москвы.

– Извините, ничем помочь не могу. Спросите в гостинице, может, он там остановился. Многие вообще предпочитают частный сектор.

– Как же нам быть? – огорчилась Астра.

«Я тебе говорил?» – выразительно посмотрел на нее Карелин.

– Ладно, пошли. Теряем время.

В гостинице их ожидал тот же ответ: «Господин Неверов у нас не проживает».

– Ты уверена, что девушка Женя из питерского офиса не направила нас по ложному пути? – ворчал Матвей.

– Зачем ей это нужно?

– А если она в сговоре с Неверовым? Или просто из спортивного интереса.

– Я думаю, Влад действительно искал в Сети информацию о местах отдыха. Приехал сюда, посмотрел, не понравилось, уехал.

– Вот так, да? Мы пилили столько километров, чтобы похлопать глазами?

– Что ты предлагаешь?

– Я пить хочу. Давай хоть попробуем их знаменитую минералку.

Вода оказалась приятной на вкус, холодной. Путешественники набрали пару бутылок с собой.

– Есть идея, – повеселел Матвей. – Надо поговорить с гаишниками. Серебристый джип в небольшом городке – машина приметная. Вдруг кто-то обратил на нее внимание?

На сей раз им повезло. Первый же сотрудник дорожно-патрульной службы вспомнил, что видел такой автомобиль.

– Мы друга ищем, – объяснил Карелин. – Ехали вместе, потом он оторвался и как в воду канул. На звонки не отвечает. Не случилось ли чего?

– Я бы не обратил внимания, – сказал патрульный. – Но ваш друг сильно превысил скорость, чуть не создал аварийную ситуацию. Пришлось его остановить, проверить документы и прочее. Знаете, это давно было – дней десять назад или больше.

– Так мы и потеряли его давно, – не растерялась Астра. – Пытались догнать, не получилось. Погостили у родственников, теперь возвращаемся в Москву и на обратном пути снова ищем. Звонили ему домой, мать говорит, он еще не приехал.

– Да, на трассе всякое бывает.

– Вы фамилию нарушителя не вспомните? Мало ли одинаковых машин?

Она была очень убедительна в роли женщины, всерьез озабоченной судьбой друга. Молоденький патрульный ей поверил. Он отошел в сторонку, связался с кем-то, потом вернулся со словами:

– Кажется, Неверов его фамилия была. Напарник подсказал. У него не память, а фотоаппарат. Раз увидел, щелкнул – есть кадр.

Астра просияла – она готова была расцеловать парня. Не зря они тащились в такую даль! Неверов все-таки здесь.

– А где вы остановили его машину? В центре города или на окраине?

– Кажется, на Н-ской улице, – охотно пояснил патрульный. – Потом джип поехал дальше. А остался он в городе или нет, не знаю. Больше мне на глаза не попадался.

– Вы нам очень помогли, – проникновенно произнесла Астра. – Спасибо!

На улице, которую назвал патрульный, росли плакучие березы. Их нежная листва ласково шелестела, и ветер раздувал висячие ветки, как девичьи волосы. Вдоль двухэтажных деревянных домов тянулись запущенные палисадники, над кустами шиповника вились пчелы.

«Неверов проезжал здесь случайно или с какой-то целью? – думал Матвей. – Возможно, хотел снять жилье на время отдыха. Если он это сделал, то машина должна стоять в одном из дворов».

Астра ощущала в груди тревожный холодок: значит, они напали на след. Где-то совсем рядом кончик той ниточки, за которую потянешь – клубок и распутается.

Улица уходила вниз, к реке, домики стали одноэтажными, а заборы более добротными. Попадались новые срубы.

– Небось богатые петербуржцы скупают участки, – сказал Матвей. – Строят дачи над рекой. Место курортное. Озера, целебные источники, грязи, красотища кругом. Не исключено, что Неверов тоже присматривал участок для дачи. Надо же куда-то вкладывать наворованные в компании деньги.

– Ты считаешь его вором?

– Люди с чистой совестью не прячутся.

– Тогда нам следует посетить здешнее агентство недвижимости, – загорелась Астра.

– Подожди. Мы пока что ищем серебристый джип.

Но ни в одном дворе, куда им удалось заглянуть, такого автомобиля не было. Из-за заборов лаяли собаки.

– В гаражи нас никто не пустит, – уныло протянула Астра. – Да и гаражей-то нормальных не видно.

– Машину можно загнать за дом. Сады вокруг старые, густые; за деревьями не то что джип, танк укроется.

– Что же нам, каждый двор обшаривать?

– Надо было об этом раньше думать, – усмехнулся Карелин. – А теперь, госпожа Груздь, полезайте в кузов!

– Я просто устала... – буркнула она. – И проголодалась.

– Терпи.

По улице вразвалочку прогуливались подростки, по всему видать, местные. Парни пили пиво из банок, девушки курили. Молодежь явно была под хмельком. Матвей легко нашел с ними общий язык. Попросил зажигалку, угостил дорогими сигаретами. Девушки жеманились, хихикали. Слово за слово, он спросил о джипе.

– Друга ищем, – придерживался он первоначальной «легенды». – Мы на вашей улице домик собирались снять. Влад вперед поехал, обещал позвонить. И молчок!

– Прикалывается... – предположила одна из девчонок.

– А нам не смешно! Темнеет уже, спать охота. Выехали мы из Питера ни свет ни заря, спешили, на обед даже не останавливались. За его джипом не утонишься! Может, кто из вас видел его тачку?

– Джип, говорите? – заинтересовался крепко сбитый паренек в спортивных штанах и тенниске. – Какого цвета?

– Серебристая «Хонда».

– Кажется, у нашего соседа на заднем дворе стоит такая, – сказал паренек. – Только она давно стоит, больше недели.

– Ты бы еще про царя Гороха вспомнил! – засмеялись девчонки. – Говорит же человек, они сегодня из Питера выехали. Се-год-ня!

– Нужно взглянуть, – со всей серьезностью произнес Карелин. – Чем черт не шутит?

– Вообще-то у нашего соседа постоянно гости, – сконфузился подросток. – Он это, охотничьими делами занимается. Ну, возит мужиков на охоту. Места знает, со всеми егерями дружбу водит.

– Так ведь не сезон сейчас. Охота запрещена.

– У кого деньги водятся, для тех всегда сезон! – ухмыльнулись парни.

– Ладно, покажи, где сосед живет, – попросил Матвей. – Как его зовут, кстати?

– Шемякин, Егор Петрович. Только я с вами не пойду. Не хочу, чтобы он на меня отцу нажаловался.

– Вован к его дочке клинья подбивает! – захохотали подростки.

– Хватит вам... – без обиды буркнул паренек. – Во-о-он тот забор! – показал он Матвею на высокий коричневый штакетник, за которым буйно росла калина. – Лучше в калитку не входить. У него собак тьма!

Егор Шемякин оказался мужчиной средних лет с военной выправкой, одетым в камуфляжные брюки и безрукавку. Он цыкнул на собак, пропустил Матвея и Астру во двор.

– Мы ищем Влада Неверова, – прямо заявила она. – Он говорил, что заедет к вам. Насчет охоты.

Хозяин молча изучал взглядом посетителей. Кто такие? Зачем пришли?

– Мы его друзья, – пояснил Матвей. – Целый год собирались на кабана. Нам посоветовали обратиться к вам.

– Кто посоветовал?

– Охотники. Говорят, вы можете настоящее «сафари» устроить за соответствующее вознаграждение.

– Приезжайте, когда откроется сезон.

– Разве Влад не решил с вами этот вопрос?

Егор Петрович потерял терпение:

– Понятия не имею, что вам наплели про меня! Я не браконьер.

– Послушайте, позовите Влада, и мы все обсудим, – предложила Астра. – Мы вам заплатим.

– Мало того, что он свою тачку тут оставил, так еще и приятелей натравил! – взвился Шемякин. – Вы не за того меня принимаете, господа! Я сам вашего Неверова ищу. Пусть забирает джип! У меня частный дом, а не парковочная площадка.

Глава 9

Москва

Леда вышла из клиники в удрученном состоянии. Анализы опять плохие. Сколько времени она принимает таблетки, выполняет все рекомендации специалистов, а воз и ныне там! Сегодня лечащий врач назначил новый курс процедур, но она уже потеряла веру в благополучный исход.

– Да не расстраивайтесь вы так! – успокаивал ее профессор. – Ваше заболевание не угрожает жизни. Неприятно, однако не смертельно. Вялотекущий хронический процесс хуже всего поддается действию препаратов.

– Не хватало, чтобы он обострился.

– Пока причин для обострения я не вижу.

«Пока!» – подумала Леда. – Хорошенькая же у меня перспектива. Постоянно находиться в ожидании: вдруг болезнь начнет прогрессировать?»

Она заплакала. Почему ей так не везет? Все, казалось бы, подарила ей судьба – красоту, ум, богатство, а счастья нет. Здоровье вот пошатнулось. Банальная до тошноты истина открылась перед ней вместе с недомоганием: не все можно купить за деньги.

Воспаление придатков, которое не считается опасной патологией, тем не менее серьезно осложняло жизнь Леды Куприяновой. Боли, слабость, постоянный дискомфорт и ощущение какой-то женской неполноценности угнетали ее.

– Не обращай внимания на ерунду, – говорила ей мать. – В той или иной степени через это проходит каждая женщина. У кого не было воспаления?

– И что ты делала?

– Лечилась, потом махнула рукой.

Но Леда «махнуть рукой» не могла. Непрерывная ноющая, тянущая внизу живота боль истощала ее силы; в голову приходили страшные мысли. Раз лекарства не помогают, значит, недуг гораздо злее, чем полагают врачи. Медицина – не панацея, теперь Леда убедилась в этом на собственном опыте.

Ей выписывали все более дорогие препараты, но эффекта не было. Вообще никакого!

– Это у вас на нервной почве, – сказал ей один знаменитый лекарь. – Мнимая болезнь. Потому и лекарства бессильны, что лечить нечего.

Леда возмутилась, устроила ему скандал. Выплеснула все негодование, накопившееся за время хождения по кабинетам и лабораториям. Сунула ему в нос бланки с результатами анализов. Доктор невозмутимо просмотрел их и продолжал стоять на своем: болезни нет, она существует исключительно в воображении пациентки. А тело услужливо воспроизводит симптомы.

– Мы и не такое способны! – с улыбкой заявил он. – Люди – удивительные существа.

– Вы шарлатан. Вам следует запретить заниматься медицинской практикой! – бушевала Леда. – Я напущу на вас журналистов!

Доктор не испугался, не смутился:

– Уверенность в себе, любящий мужчина рядом, регулярный секс, и от вашего диагноза не останется и следа. Когда испробуете все традиционные методы лечения, вспомните мои слова. Мнимые заболевания вовсе не безобидны. Умереть от них можно вполне реально.

Тогда Леда, кипя праведным гневом, и слышать его не желала. Теперь она нет-нет да и возвращалась мысленно к тому разговору. Что, если лекарь был прав и ее болезнь порождена умом, а не телом? Как от нее избавиться?

«Решу, что я абсолютно здорова, перестану ходить на обследования, принимать лекарства, – размышляла госпожа Куприянова. – Но как справиться с вполне конкретной болью, от которой корчишься и стонешь? Как заставить себя поверить в ее виртуальную природу? Как забыть о ней, если порой каждый шаг, каждое движение причиняют физические муки? Как их превозмочь?»

По совету приятельницы Леда записалась на прием к знахарке.

– У твоей болезни одна причина – злость! – ошарашила пациентку целительница. – Иди в церковь, покайся, сделай щедрые пожертвования, потом приходи. Буду тебя спасать!

Куприянову неприятно поразили фамильярное обращение знахарки, ее псевдонародные присказки, жесты, интонации.

– На кого мне злиться? – попыталась возразить молодая женщина. – У меня все есть. Я ни в чем не нуждаюсь.

– Каждый в чем-нибудь нуждается. Раз на земле живешь, значит, чего-то тебе не хватает. Полная чаша бывает только в райских чертогах.

Знахарка улыбнулась, недобро блеснув глазами, а у Леды холодок пробежал по коже.

После этого посещения ей стало еще хуже. По ночам пробирал озноб, боль блуждала по телу, уже не локализуясь в области живота, казалось, кости и мышцы крутит, выворачивает неведомый жестокий палач. Леда, стуча зубами, натягивала на себя второе одеяло, потом все равно вставала, доставала из шкафа припрятанную между бельем бутылку с крепким напитком, наливала, проглатывала... и постепенно согревалась, оттаивала.

По утрам не хотелось смотреть на себя в зеркало. Бледные щеки, чернота под глазами, бесцветные губы, тусклые волосы. Душ, ароматические масла, шампунь, фен и фирменная косметика через час превращали изможденную страдальцу в надменную светскую даму. Дивная метаморфоза обманывала не только посторонних, но и близких. Вряд ли родная мама догадывалась, что творится с ее дочерью.

Слова знахарки засели в сознании Леды против ее воли. Она все чаще ловила себя на том, что обдумывает их, ищет ту занозу, которая породила «заражение царственной крови». Мало-помалу пелена заблуждений рассеялась, и Леда *прозрела*. Где-то в глубинах подсознания мелькнула искорка, осветила как истинную причину ее болезни, так и средство избавления от страданий.

Сначала Леда приняла это в штыки, протестуя и не веря себе. Потом свыклась. А потом в ее жизни появился Влад, завязался роман. Внезапно умер ее отец, возникли новые проблемы, и раскрылись новые обстоятельства. Болезнь Леды неожиданно обострилась. И у нее не осталось сомнений, какое средство способно ей помочь.

Замужество казалось делом решенным. Господин Неверов покорило сердце Леды, всецело завладел ее помыслами... И вдруг исчез.

Все должно было складываться не так. Не так...

– Кто-то украл мое счастье, – сокрушалась Леда. – Давно, еще у моей колыбели. Или даже раньше. Вместо *синей птицы* слетелось воронье. Накаркало беду...

Старая Русса

Господин Шемякин, отставной майор, увлекался охотой. Где бы он ни служил, везде устраивал вылазки в лес, на речку или озеро, добывал уток, зайцев, лосей или кабанов. В зависимости от места расположения воинской части. Выйдя на заслуженный отдых, превратил хобби в работу, которая приносила приличный заработок.

Устраивать для приезжих традиционно русское развлечение – наряду с рыбалкой, парной баней и обильными возлияниями – оказалось прибыльным делом. Появилась постоянная клиентура. Среди егерей Шемякин наладил надежные связи, и те включились в процесс. Деньги никому не помешают, особенно в глуши, где источники дохода можно пересчитать по пальцам. А у всех семьи, дети – все кушать хотят.

Браконьерство Шемякин не приветствовал, но иногда скрепя сердце нарушал закон. Редко, потому как сам любил природу-матушку, зверье и птицу, чистый лесной воздух и прозрачные речки, где ходят жирные лещи и щуки.

– Я не святой, – честно признавался Егор Петрович. И тут же спрашивал: – А кто без греха?

Он держал целую свору гончих, борзых и легавых собак, слыл непревзойденным знатоком разных охотничьих тонкостей и хитростей, метким стрелком и душой мужской компании. Его дом был открыт для друзей и приятелей, которых с каждым охотничьим сезоном становилось все больше.

Когда приехал господин Неверов и попросил устроить для него кабанью охоту, Егор Петрович наотрез отказался. Не помогла и предложенная заезжим любителем острых ощущений солидная сумма.

– Ты что, смеешься, парень? Кто же в мае станет загонять кабана? Это зимняя забава. Весной только птицу стрелять можно, и то не всякую.

Как Неверов ни упрасивал, Егор Петрович оставался непреклонным. Нет, и все. Ему не нужны неприятности.

– Странный ты человек, ей-богу, – удивлялся Шемякин приезжему москвичу. – Что за блажь идти на кабана именно сейчас? Я смотрю, ты вообще на охотника не похож. Где ружье? Где снаряжение?

– Какое еще снаряжение? Не из Москвы же все тащить? Я думал, у вас тут возьму, напрокат.

Поскольку Шемякин на уговоры не поддавался, москвич спросил, можно ли оставить машину у него во дворе – на время охоты.

– Я заплачу.

– Ладно, пусть стоит, – согласился хозяин. – Жалко, что ли?

– Если понадобится, пользуйся, – великодушно предложил Неверов. – Дам ключи.

– Зачем? У меня свой транспорт. Только я бы тебе не советовал с браконьерами связываться.

– Спасибо, – усмехнулся приезжий. – Учту.

Он ушел, где-то бродил до вечера. Вернулся затемно, довольный, попросил напрокат ружье и рюкзак. Видно, нашел желающих заработать на худом деле.

Шемякин хотел предостеречь москвича, но передумал. Не в его правилах учить взрослого мужика уму-разуму. Жизнь научит.

– Рюкзак бери, а ружье – вещь дорогая... – неодобрительно глядя на Неверова, сказал он. – Вдруг не вернешь?

– Я похож на вора? – обиделся тот.

– Не о том речь. А если сам не вернешься?

– Типун тебе на язык, дядя! – как-то слишком весело, беззаботно произнес москвич. – Сколько ружьишко стоит? На, возьми деньги. И потом, у тебя моя тачка в залоге остается. Держи! – Он бросил Шемякину ключи и усмехнулся: – Не дрейфь, мужик! Все будет в порядке.

– Средство от комаровхвати, не забудь. Заедят.

Шли дни, а Неверов охотился. Наверное, решил пожить в каком-нибудь охотничьем домике, подышать лесным воздухом, попариться в баньке с березовыми веничками. Для городского человека это экзотика.

Собственно, Шемякину не было никакого дела до москвича. Пусть хоть год в лесу сидит. Но машина занимала много места за домом, создавала неудобства. Да и мыслишки нехорошие закрадывались. С кем приезжий отправился на незаконный промысел? Как бы чего дурного не случилось.

Серебристый джип мозолил Шемякину глаза, беспокоил. Если, не дай бог, москвич не вернется, кто первый попадет под подозрение?

«Я, конечно, – думал Егор Петрович. – Раз машина у меня во дворе стоит, выходит, я хозяина и того... Отправил на тот свет. Поди докажи обратное! Никто разбираться-то не станет. Наши люди на расправу скорые. Черт знает какие у этого Неверова друзья, родные? Наедут, мало не покажется!»

Жена с дочкой гостили в Новгороде, у тетки, приехали – а тут чужая машина во дворе. Тоже пристали с расспросами. Хоть бы они подтвердили, что ушел Неверов в добром здравии и больше не появлялся. Так нет, не получится – не было их в это время дома.

«Друзья» приезжего москвича озадачили Шемякина: тоже заговорили о кабаньей охоте. Что за напасть такая? Однако надо им как-то объяснить его отсутствие. Выдумывать Егор Петрович был не мастер, поэтому выложил все как на духу. Так, мол, и так...

Они выслушали, задумались. Потом мужчина спросил:

– Кто мог согласиться помочь Владу организовать охоту?

– Народ всякий есть, и среди нашего брата попадаются любители незаконной добычи. Знаю семейство Грибовых, которые браконьерством балуются, знаю Потапова, бывшего егеря. Еще парочку заядлых горе-охотников.

Столичная дамочка нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, поглядывая на своего спутника. Тот называл ее Астрой. Редкое имя. Кто они Неверову? Он про друзей словом не обмолвился.

– Вы полагаете, Влад проводит время в каком-нибудь охотничьем хозяйстве? – спросила она.

– А где же? Палатки он с собой не брал. Хотя можно в деревне остановиться. Здесь многие так делают, и туристы, и искатели приключений, и богомольцы разные. В наши места странное паломничество началось. Едут и едут!

– Зачем?

– Вас что сюда привело? – задал встречный вопрос Шемякин. И, не дожидаясь ответа, добавил: – То-то! Путешествуют люди, каждый свою цель преследует. Кому-то природа по душе, не городские парки да скверы, а настоящая, дикая. Кого-то история интересует. Кто-то в религию ударился. Кому-то хочется одиночества, тишины. Некоторые чудаки на болотах селятся да в непроходимых дебрях, чтобы отшельниками себя почувствовать. Дури всякой хватает!

Он с готовностью рассказал «друзьям» господина Неверова, где найти братьев Грибовых и бывшего егеря.

– Сначала с ними поговорите. Авось что-то и прояснится. Если ночевать негде, приходите ко мне. Милости прошу.

Астра была в восторге. Машина Неверова нашлась! Значит, и сам он где-то неподалеку.

– Рано радуешься, – хмыкнул Матвей. – Искать в здешних лесах охотников, тем более браконьеров, пустая трата сил. Разве что ждать, пока они вернутся. Но я не останусь. У меня бюро, мальчишки из «Вымпела».

– Думаешь, Неверов вернется?

– Ему же надо машину забрать.

– Джип принадлежит Куприяновым, а Влад ездит по доверенности.

– Вот как?

– Правда, Леда сказала, что подарила ему этот внедорожник. Просто они не успели оформить документы.

– Странно... – пробормотал Матвей. – Почему он машину оставил во дворе у Шемякина, а не у тех, с кем отправился на охоту? Может, врет Егор Петрович?

Дом Грибовых нашли не сразу. Он стоял в проулке, в глубине яблочного сада. Окна были украшены затейливой резьбой, на крыльце наострила уши черная лохматая собака.

– Хозяева! – крикнул Матвей.

Собака зевнула и завиляла хвостом. Зато откуда ни возьмись раздался оглушительный лай. Сбоку, за кустами крыжовника и малины, скрывался вольер, в котором содержались охотничьи псы.

– Хороший признак, – оживилась Астра. – Раз собаки дома, то и охотники тоже.

Из сеней вышел поджарый мужчина в расстегнутой рубашке и мятых штанах. На его бородаutom лице ясно читались следы попойки.

– Чего надо? – хмуро спросил он.

– Вы Грибов?

– У нас тут все Грибовы – Степан, Аким и Гришка. Тебе кого?

– Степана, – наугад ляпнул Карелин.

– Ну, я Степан.

Он с трудом соображал, что происходит.

– Мы друзья Влада Неверова, – представился Матвей. – Вы с ним на охоту ходили?

– Ну...

«Кажется, Грибовы именно те, кого мы ищем», – подумала Астра.

– А где он? Шемякин просит машину забрать.

– Какую машину?

– Джип.

До Степана туго доходило, о чем речь.

– Какая охота? – запоздало возмутился он. – Нынче ружье в лес берут так только, птицу погугать. Мы закон блюдем.

Астра незаметно толкнула Карелина в бок, и тот выдал заранее заготовленную фразу:

– Шемякин сказал, что видел Влада с вами в лесу. Случайно.

Грибов выпучил глаза, пытаясь взять в толк, чего от него хотят эти незнакомые мужик и баба. От выпитой водки сознание заволакивал туман.

– Ну...

– Можно нам войти? – приветливо улыбнулась Астра. – А то комары.

– Это еще не комары... – осклабился Степан и милостиво кивнул: – Валяйте, проходите, братьев спросите. Какая охота? Сейчас стрелять ни-ни...

Он пьяно качнулся, пропуская гостей в дом.

Братья Грибовы, судя по обстановке, вели холостяцкую жизнь. В большой неприбранной горнице пахло кислой капустой, дымом дешевых папирос и перегаром. Стол ломился от бутылок и грязной посуды. Один из братьев похрапывал на железной кровати, другой сидел за столом, курил.

Астра осторожно присела на краешек стула, огляделась. На деревянных стенах висели охотничьи трофеи: рога, шкуры зверей, чучела птиц.

Матвей взял себе табуретку, стряхнул мусор.

– Где Влад Неверов? – без обиняков спросил он, в упор глядя на самого трезвого из братьев. – Вас с ним видели.

Тот загасил папиросу об стол и выругался.

– Скажи им, Гришка, – прогундосил Степан. – Охотиться за-пре-ще-но.

– Хотите иметь дело с милицией?

Матвей говорил, что приходило в голову. Авось попадет в точку?

– Ты нас не пугай, – разозлился Гришка. – Ты кто такой?

– Господин Неверов – важный человек. Его ищут.

Братья переглянулись.

– Может, сказать им? – заколебался Степан.

– Заткнись, идиот!

– Он нам бабки недоплатил!

– А мы доплатим, – поспешно предложила Астра. – Мы компенсируем причиненный вам ущерб.

Глава 10

Новгородская область. Деревня Камка

После посещения заброшенной обители молодую послушницу Филофею начали одолевать демоны. Случалось, она засыпала в избе старца Авксентия, а просыпалась в келье со сводчатым потолком. Со стены бросал на нее лучистые взоры *Ангел*...

Филофея приходила в смятение, металась в жару и просыпалась уже по-настоящему в отведенной ей комнатке с узкой кроватью, печкой и самодельной этажеркой, уставленной коробками и банками с целебными травами. Окно закрывали выпцветшие ситцевые занавески. В углу теснились старые темные иконы, спасенные из огня, когда горел деревенский храм.

Она опускалась на колени и молилась, молилась, чувствуя себя грешницей, одержимой похотливыми мыслями. *Как* смотрел на нее *Ангел*, *какие* речи говорил, она не смела повторить ни про себя, ни вслух.

Филофея взялась испытывать свою волю – ела пищу самую простую, с утра до ночи трудилась, самоотверженно помогала сестрам и преподобному Авксентию, лишая себя отдыха и всяческих радостей. Но крамольные мысли и видения не только не исчезли, наоборот, приобретали все более яркие краски, все более ощутимые чувственные оттенки и поразительную живость. Развивались, обрстая новыми подробностями...

Дни в Камке тянулись однообразно, заполненные работой, чтением, молитвами и приемом страждущих, складывались в месяцы, годы. Ранний подъем, разжигание печи, чугунки, корыто. Зимой – полоскание белья в проруби; летом – в речке с гнилых мостков. Утомительная суeta. Поздний ужин, когда глаза уже слипаются, а тело дрожит от усталости. Весенняя распутица, голые рощи по пояс в талой воде... Нескончаемые осенние дожди; хлюпающая под ногами грязь. Туман, подступающий к почерневшим избам. Лютые морозы, крыши в снегу, тонкие струйки дыма над ними, надрывный плач метели, волчьи глаза в лесу, между белых стволов. Лето – самая короткая и хлопотливая пора: огород, куры, утки, козы, заготовка овощей, грибов и ягод, сбор лекарственных трав.

И через все это вечным лейтмотивом деревенского бытия звон колодезной цепи, плеск воды в ведрах, стук топора, шорох складываемых в поленницу дров, крики петухов на заре...

Незыблемый порядок нарушился угасанием старца Авксентия. Вместе с жизнью, уходящей из его тела, уменьшался и поток больных и богомольцев, жаждущих приложиться к чудотворной иконе, к сухой руке преподобного, получить отпущение грехов, а кому Господь явит особую милость, и выздоровление. Русло людского ручейка постепенно пересыхало.

После тихой кончины пустынножителя в заброшенной деревушке воцарился истинно мертвый сезон. И вдруг в здешние глухие места потянулись совершенно другие «паломники» – туристы, городская молодежь, охотники, рыбаки и прочие загадочные личности. В Камке стали все чаще появляться молодые мужчины, они селились в заколоченных развалюхах, ходили в лес, на болота. Подбрасывали сестрам и Филофее продуктов, временами и денег, приставали с расспросами.

Те кое-что говорили, кое о чем помалкивали, побаивались пришлых. А куда деваться? Уповали единственно на защиту Всевышнего.

– Нас Господь не оставит, – твердила Улита.

– От него нам придет избавление, – вторила Василиса.

Проведенные в добровольном послушании годы пролетели для Филофеи как один миг. Она не считала дней, не заглядывала в календарь, жила сегодняшним, сиюминутным. Смерть Авксентия оставила ее без духовного наставника, один на один с опасными искушениями.

Добро бы только *внешне* испытывалась ее вера, чистота преданности Богу. Но и *внутри*, в мятущейся душе, вместо райских кушц расцветал чертополох, окутывал дьявольским дурманом.

Филофея взялась проверять себя, словно не надеялась на свое благочестие. Она исподволь искала встреч с мужчинами, поднимала на них глаза, прислушиваясь, откликается ли ее женское естество, теплится ли еще греховная искорка. Она могла бы быть довольна результатом, если бы не *Ангел*. Он приходил в ее сны – златокудрый и прекрасный Эрос, – простирая над ней свои крылья и уносил из нищей выстуженной избенки в роскошный дворец, где журчали мраморные фонтаны и невидимые слуги исполняли любые желания молодых любовников. Да, да, в волшебных небесных чертогах царственный жених склонял ее к жарким ласкам, дарил неизъяснимые наслаждения, которые она не в силах была отвергнуть.

На рассвете она просыпалась, вся в холодном поту, измученная и сгорающая от стыда. Василиса и Улита бросали на нее то ли укоризненные, то ли сочувственные взгляды. «Неужели догадываются? – с ужасом думала девушка. – Я не смею говорить с ними, не смею этими пылающими от поцелуев губами произносить слова молитв! Я запуталась, погрязла в похоти, ввергла себя в адское пекло. Но почему он так сладок, грех? И почему сатана принимает лик ангельский, а Бог его не наказывает? Видя такие сны, сохраняю ли я свое целомудрие?»

Эта ужасная борьба со вспыхнувшей страстью к несуществующему возлюбленному так иссушала ее, так изнуряла нервы и терзала сердце, что Филофея словно погрузилась в умопомрачение, в болезненное возбуждение рассудка, начала принимать сон за явь, а действительность за сновидение. *Ангел* уже мерещился ей повсюду: то проступая на страницах Жития святых, то заглядывая в окно, то отражаясь в реке, когда она бегала смывать горячий ночной пот. То солнечные пятна складывались особым образом, рисуя на стенах его дивный образ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.